

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

**Я САМ ПОХОРОНЮ
СВОИХ МЕРТВЕЦОВ**

«Это дело касается меня лично. Кто-то убил моего брата.
Мне это не нравится. Если полиция не в состоянии
разобраться, я сам похороню своих мертвецов».

Дж. Х. Чейз

Звезды классического детектива

Джеймс Чейз

Я сам похороню своих мертвецов

«Азбука-Аттикус»

1953

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Я сам похороню своих мертвецов / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус», 1953 — (Звезды классического детектива)

ISBN 978-5-389-21579-5

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотиносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». Герой романа «Я сам похороню своих мертвецов» (1953) Ник Инглиш полон амбиций и уверенно идет к своим целям. Уже сейчас его по праву можно назвать одним из влиятельнейших людей в городе. Но внезапное подозрительное самоубийство брата, и при жизни доставлявшего немало проблем, ставит под угрозу успех большой игры, которую ведет Инглиш. За дело берется полиция, но Ник не привык доверять решение частных дел посторонним...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21579-5

© Чейз Д. Х., 1953
© Азбука-Аттикус, 1953

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джеймс Хэдли Чейз

Я сам похороню своих мертвецов

James Hadley Chase
I'LL BURY MY DEAD
Copyright © Hervey Raymond, 1953
All rights reserved

Перевод с английского Елены Королевой

© Е. А. Королева, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

Глава первая

I

Гарри Винс вошел в приемную и поспешно закрыл за собой дверь, отрезав раскаты сиплого хохота, шарканье многочисленных ног и гул мужских голосов, каждый из которых явно пытался заглушить остальные.

– Гвалт как в зоопарке, правда? Да и запахи не лучше – тьфу! – сплюнул он, маневрируя через всю приемную между пустыми столами к телефонному коммутатору, за которым сидела Лоис Маршалл. На ближайший стол Гарри аккуратно поставил принесенную с собой бутылку шампанского и два бокала. – Ты не представляешь, какое это везение – сидеть в приемной. В кабинете хоть топор вешай. – Он утер лицо носовым платком. – Мистер Инглиш сказал, что ты должна выпить шампанского. И вот оно здесь.

– Да что-то мне не хочется, спасибо, – улыбнувшись ему, ответила Лоис. Элегантная миловидная брюнетка лет двадцати шести или двадцати семи, лицо, почти не тронутое косметикой, спокойный взгляд карих глаз из-под сурово сдвинутых бровей. – Я не особенно люблю шампанское, а ты?

– Только когда за него платит кто-то другой, – отозвался Винс, привычным жестом раскручивая проволоку и обхватывая пробку. – Кроме того, имеется повод! Ведь не каждый божий день наш боксер в полутяжелом весе выигрывает чемпионат!

Пробка, звучно хлопнув, пролетела через приемную, и Винс торопливо подставил бокал под вспенившееся вино.

– Слава богу, не каждый, – сказала Лоис. – Как думаешь, долго они еще будут здесь топтаться?

– Пока их не выгонят взащей. Они даже виски еще не допили. – Он протянул ей бокал. – Ну, за Джои Рутлина, новоявленного чемпиона. Чтоб он и дальше укладывал своих противников так же, как сегодня вечером.

Винс налил шампанского во второй бокал.

– За мистера Инглиша, – негромко поправила Лоис, поднимая свой бокал.

Винс широко усмехнулся:

– Ладно. За мистера Инглиша.

Они отпили по глотку, и Винс поморщился.

– Наверное, ты права. Вот неразбавленный скотч я готов пить хоть каждый день. – Он поставил свой бокал. – Почему ты не посадила за коммутатор Трикси? Это ведь ее обязанность.

Лоис пожала изящными плечами:

– Представь только, в какой компании она бы оказалась. Ко мне-то они приставать не осмеливаются, а вот к Трикси...

– Трикси бы это понравилось. Она любит, когда ее время от времени шлепают по заднице. Считает, что это доказывает ее привлекательность. В любом случае эти бабуины более-менее безобидны. Трикси сумела бы с ними справиться, если бы ты предоставила ей такую возможность.

– Вероятно, сумела бы, однако она совсем еще ребенок. Не следует ей засиживаться в офисе после полуночи.

– Ты рассуждаешь, словно ее бабушка, – усмехнулся Винс. – Если кому-то нужно задержаться на работе допоздна, это вечно оказываешься ты.

Лоис снова пожала плечами:

– Так я и не против.

Винс внимательно посмотрел на нее:

– А твой дружок тоже не против?

– Обязательно тебе нести чушь, Гарри?

Ее внимательные карие глаза внезапно сделались ледяными.

Уловив сигнал опасности, Винс сменил тему:

– Ты ведь уже работала на мистера Инглиша, когда он затеял нынешнюю авантюру?

– Да. У нас тогда имелся только один малюсенький офис и печатная машинка, взятая напрокат, а за немногочисленную мебель еще не было заплачено. Зато теперь в нашем распоряжении тринадцать офисов и штат из сорока человек. Недурной результат за пять лет работы, верно?

– Думаю, да. – Винс закурил сигарету. – У него точно легкая рука. Ему как будто все равно, чем заниматься. Он просто обязан преуспеть в любом деле. На этой неделе провел бой, на прошлой устроил спектакль, а неделей раньше – музыкальное шоу. За что он примется в следующий раз?

Лоис рассмеялась:

– Он что-нибудь придумает. – Она подняла взгляд на Винса: широкоплечий, среднего роста, лет тридцати трех, стриженный по-армейски коротко; хорошо очерченные рот и подбородок, прямой узкий нос, но в светло-карих глазах тревога и неуверенность. – Ты и сам добился немалого успеха, Гарри.

Он кивнул:

– Благодаря мистеру Инглишу. Я на свой счет иллюзий не строю. Если бы он не дал мне шанса, я бы и дальше просиживал штаны над бухгалтерскими книгами без всякой перспективы карьерного роста. Знаешь, иногда самому не верится, что я его генеральный менеджер. Не понимаю, с чего вдруг он дал мне эту работу.

– У него чутье на таланты, Гарри, – пояснила Лоис. – Он не дал бы тебе работу за одни только красивые глаза. Ты честно отработываешь свои деньги.

– Наверное, так и есть, – согласился Винс, проводя ладонью по коротко стриженным волосам. – Взять хотя бы сегодняшний кошмарный вечер. – Он бросил взгляд на наручные часы. Одиннадцать пятнадцать. – Эта попойка затянется по меньшей мере до двух. – Он допил свое шампанское, помахал Лоис бутылкой. – Хочешь еще?

Она покачала головой:

– Нет, спасибо. Как по-твоему, ему самому там нравится?

– Ну, ты же его знаешь. Будет весь вечер слоняться по кабинету, наблюдая, как пьют другие. Время от времени вставляя слово в разговор. Он ведет себя словно случайный гость на чужой вечеринке. Весь последний час Эйб Мендельсон пытался припереть его к стенке, чтобы поговорить, но удача ему так и не улыбнулась.

Лоис засмеялась:

– Он хочет, чтобы мистер Инглиш финансировал женские бои.

– А неплохая идея, – обрадовался Винс. – Я видел некоторых из этих крошек. И был бы не прочь стать их тренером. Показал бы им пару захватов.

– Так поговори с мистером Инглишем. Может, он даст тебе эту работу.

Прожужжал телефонный звонок.

Лоис вставила штекер в гнездо и надела наушники, лежавшие на столе.

– «Инглиш промоушн», – произнесла она. – Добрый вечер.

Пока она слушала, Винс наблюдал за ней. Увидел, как темная бровь изумленно приподнялась.

– Я позову его к телефону, лейтенант, – сказала она и сняла наушники. – Гарри, передай, пожалуйста, мистеру Инглишу, что его спрашивает лейтенант Морилли из отдела по расследованию убийств. Хочет поговорить лично.

– Ох уж эти копы! – сморщился Винс. – Могу поспорить, собирается просить об одолжении. Два билета на бокс или бесплатные места на шоу. И ты хочешь, чтобы я беспокоил мистера Инглиша из-за этого пройдохи?

Она кивнула, и глаза ее были серьезны.

– Пожалуйста, скажи ему, что дело срочное, Гарри.

Он кинул на нее быстрый взгляд и соскользнул со стола, на который успел присесть.

– Ладно.

Винс прошел через просторную комнату и толкнул дверь, за которой находился кабинет самого Ника Инглиша. Когда он вошел, его оглушил рев голосов.

Лоис произнесла в телефонную трубку:

– Мистер Инглиш сейчас подойдет.

Морилли на другом конце провода что-то буркнул.

– Советую вам подготовить его машину, мисс Маршалл, – сказал он. – Когда он услышит то, что я ему скажу, то захочет выехать немедленно.

Лоис поблагодарила полицейского, подключилась к другой линии и попросила дежурного по гаражу, ответившего на звонок, подать машину мистера Инглиша к главному входу. Не успела она вынуть штекер, как в приемную в сопровождении Винса вышел Ник Инглиш.

Инглиш был рослый – шесть футов и три дюйма¹ – и широкоплечий мужчина, он выглядел гигантом, но при этом у него не было ни грамма лишнего веса. В его почти сорок коротко остриженные вьющиеся волосы оставались угольно-черными. Лишь на висках сквозила седина, смягчавшая в целом суровое и неумолимое лицо. У него был широкий лоб, короткий тупой нос, тонкогубый рот и квадратный подбородок с ямочкой. Глаза, бледно-голубые и пронзительные, широко расставлены. Хотя Инглиш не был красавцем, он неизменно притягивал к себе взгляды окружающих, и от него веяло надежностью гранитной скалы.

Лоис отодвинулась от коммутатора, указав на телефонный аппарат на ближайшем столе.

– Лейтенант Морилли на этой линии, мистер Инглиш.

Инглиш снял трубку:

– Что там у вас, лейтенант?

Лоис быстро подошла к Винсу:

– Гарри, вытащи-ка оттуда Чака. Думаю, он понадобится.

Винс кивнул и вернулся в кабинет шефа.

Лоис услышала, как Инглиш произносит в трубку:

– Когда это произошло?

Она с тревогой поглядела на великана, когда он склонился над столом, хмуря брови куда-то в пустоту и барабанил длинными пальцами по бювару. Лоис была знакома с Ником Инглишем уже пять лет. Они случайно встретились в то время, когда он бросил работу инженера в Южной Америке и открыл небольшую контору в Чикаго, собираясь продвигать маркшейдерский гирокомпас, который он предлагал использовать при бурении нефтяных скважин. Он нанял Лоис, чтобы она сидела в конторе, пока сам он носился по городу в поисках необходимой суммы для производства гирокомпаса.

Трудности были, однако Лоис быстро уяснила, что трудности и разочарования лишь заставляют Инглиша работать еще больше. Она обнаружила, что он обладает несгибаемым духом. Бывали времена, когда она оставалась без жалованья, а он обходился без еды. Его оптимизм и целеустремленность оказались заразительными. Лоис не сомневалась, что он обяза-

¹ 192 см. – Здесь и далее примеч. перев.

тельно добьется успеха. Когда человек работает так упорно, он просто обречен на успех. За год, полный разочарований, когда они трудились без вознаграждения, между ними возникла душевная близость, о которой Лоис никогда не забывала, хотя и спрашивала себя время от времени, не забыл ли он. В итоге производство гирокомпаса профинансировали, и он имел успех. Инглиш продал свое изобретение за двести тысяч долларов плюс процент с последующих продаж, который до сих пор составлял приличную долю его дохода.

Тогда Инглиш начал подыскивать другие изобретения, которые можно выгодно перепродать, и за следующие три года приобрел репутацию человека, способного выжать деньги из камня. Благодаря своему только что сколоченному капиталу он расширил сферу деятельности, переключившись на индустрию развлечений. Он готовил и продавал небольшие шоу-программы для ночных клубов и кабаре, и постепенно его шоу становились все масштабнее и амбициознее.

Потекли деньги, и он основал несколько компаний. Деньги потекли еще быстрее, и тогда он арендовал два театра и дюжину ночных клубов. Позже, когда деньги, уже почти неприличные, лились рекой, он ступил на политическую арену. Именно благодаря его финансовой поддержке сенатор Генри Бомонт пришел к власти, а затем сумел удержать ее в руках.

Глядя на Инглиша сейчас, Лоис, осознавая, как далеко вперед он ушел и какое влияние приобрел, сожалела о том, что он поднялся на такую высоту, где она уже не может быть полезной ему по-настоящему, а сделалась всего лишь одной из множества его служащих.

Винс вернулся из кабинета шефа в обществе Чака Игана, который водил автомобиль Инглиша и исполнял все поручения Инглиша, не возражая и не задавая вопросов. Маленькому, похожему по комплекции на жокея, Чаку было далеко за тридцать. У него были волосы цвета соломы, красное веснушчатое лицо и холодные глаза. Двигался он стремительно, но плавно. В данный момент Чак выглядел хуже обычного – смокинг ему явно не шел.

– Что за срочность? – поинтересовался он одним только уголком рта, приближаясь к Лоис. – Я там от души веселился.

Она слегка покачала головой, демонстрируя, что не знает.

Инглиш произнес в телефонную трубку:

– Буду прямо сейчас. Оставьте все как есть, пока я не приеду. Это займет меньше десяти минут.

Чак подавил стон.

– Где машина? – спросил он, поглядев на Лоис.

– Ждет у дверей, – ответила она.

Инглиш положил трубку. Когда он повернулся, трое его служащих, сосредоточив взгляды на нем и замерев в молчании, ожидали инструкций. Его невозмутимое загорелое лицо было непроницаемо, однако голубые глаза сделались жесткими, когда он произнес:

– Пригони машину, Чак. Я хочу ехать немедленно.

– Машина уже ждет, босс, – повторил Чак. – Встречу вас внизу. – и он вышел из приемной.

– Дождись, пока эти шакалы прикончат ящик виски, а затем избавься от них, – велел Инглиш Винсу. – Скажешь, что меня срочно вызвали по делу.

– Да, мистер Инглиш, – отозвался Винс и направился к кабинету. Когда он открыл дверь, громкие голоса и смех хлынули в тихую приемную с такой силой, что Инглиш нахмурился.

– Побудь здесь немного, ладно? – обратился он к Лоис. – Возможно, ты еще понадобишься мне сегодня. Если не позвоню в течение часа, ступай домой.

– Хорошо. – Она вопросительно взглянула на него. – Что-то случилось, мистер Инглиш? Он посмотрел на нее, затем придвинулся ближе, положил руку ей на бедро и улыбнулся.

– Ты когда-нибудь видела моего брата Роя?

Она выразила изумление, покачав головой.

– Ты ничего не потеряла. – Он легонько похлопал ее по бедру. – Он только что застрелился.

Она ахнула:

– О, мои соболезнования.

– Не стоит, – сказал он, направляясь к двери. – Он не заслуживает твоего сочувствия, а моего и сам бы не захотел. Дело будет хлопотное. Посиди здесь еще часок. Если газетчики что-то пронюхают, собьешь их со следа. Скажешь им, что ты понятия не имеешь, где я.

Он взял из шкафа шляпу и пальто.

– Гарри угостил тебя шампанским? – спросил он, нахлобучивая на голову шляпу и нервно дергая ее за поля.

– Да, мистер Инглиш.

– Хорошо. Что ж, пока что до свиданья. Возможно, я еще позвоню.

Он перебросил пальто через руку и вышел, закрыв за собой дверь.

II

Чак Иган направил большой сверкающий «кадиллак» в одну из боковых улиц делового квартала и сбавил скорость.

По правой стороне у высокого здания стояли два патрульных автомобиля. Здание было погружено в темноту, если не считать двух освещенных окон на седьмом этаже.

Чак припарковался позади полицейских машин; к тому моменту, как он заглушил мотор и вышел, Ник Инглиш уже открыл заднюю дверцу и шагнул своими длинными ногами на тротуар.

Чак вопросительно поглядел на него:

– Мне подняться с вами, босс?

– Почему бы нет. Только не высовывайся и держи рот на замке.

Инглиш пересек тротуар, направляясь к двум патрульным, стоявшим по бокам от входа в здание. Оба они тут же узнали его и взяли под козырек.

– Лейтенант ждет вас, мистер Инглиш, – сказал один из полицейских. – Поднимайтесь на лифте. Седьмой этаж.

Инглиш кивнул и вошел в тускло освещенный холл с полом, выложенным каменной плиткой. Внутри пахло мусором и неисправной канализацией, кисло воняло застарелым потом. Напротив входной двери находился древний лифт, в который с трудом могли бы поместиться четыре человека.

Чак отодвинул решетку и, пропустив Инглиша, вошел вслед за ним в лифт, нажал кнопку, и клеть, подергиваясь, поползла вверх.

Пальто Инглиш оставил в машине. Он стоял, перенеся вес тела на мыски ног и сунув руки в карманы смокинга, в зубах дымилась сигара, глаза были задумчивы и холодны.

Чак бросил на него быстрый взгляд и тут же отвел глаза.

В конце концов лифт дернулся, остановившись на седьмом этаже, и Чак отодвинул решетку.

Инглиш ступил в тускло освещенный коридор. Почти напротив была открытая дверь, откуда на грязное резиновое покрытие пола падал яркий квадрат света. Чуть дальше по коридору, слева, была еще одна дверь, сквозь матовое стекло которой тоже лился свет. Справа, в самом конце коридора виднелась дверь без стекла, из щели под ней просачивалась полоска света.

Из открытой двери вышел лейтенант Морилли – мужчина лет под пятьдесят, плотного телосложения, с худощавым бледным лицом с крупными чертами, на котором маленькие усики казались особенно черными по сравнению с белой кожей.

– Простите, что прервал вечеринку, мистер Инглиш. Но я подумал, вы захотите приехать, – почтительно и негромко произнес он низким голосом: так похоронный агент беседует с богатым клиентом. – Весьма печальное дело.

Инглиш хмыкнул.

– Кто его обнаружил?

– Консьерж. Проверял, все ли офисы заперты. Он позвонил мне, а я позвонил вам. Я и сам здесь не дольше двадцати минут.

Инглиш подал знак Чаку, чтобы тот оставался на месте, а сам шагнул на порог обшарпанной комнатки, служившей приемной. По матовому стеклу двери висела надпись:

АГЕНТСТВО БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Старший следователь

РОЙ ИНГЛИШ

В комнате имелись письменный стол, кресло для машинистки, пишущая машинка, накрытая чехлом, шкаф с папками и ковровая дорожка на полу. На стене висели покрытые пылью наручники и выцветшие благодарственные письма в узких черных рамках, некоторые из них датировались еще 1927 годом.

– Он в кабинете, – сказал Морилли, пропуская Инглиша дальше в приемную.

В тесной комнате неловко топтались два детектива в штатском. Оба проговорили нестройным дуэтом:

– Добрый вечер, мистер Инглиш, – и один из них коснулся пальцем шляпы.

Инглиш кивнул им, прошел через приемную и остановился у двери, ведущей в кабинет шефа. Он был чуть просторнее. У стены напротив окна стояли два больших шкафа с папками. На полу лежал вытертый и пропыленный ковер. Львиную долю пространства занимал большой письменный стол. Рядом со столом было обшарпанное кресло для клиентов. Взгляд Инглиша стремительно прошелся по всем этим деталям, и он поморщился, отмечая убожество обстановки.

Его брат умер, сидя за письменным столом. Затем мертвое тело повалилось вперед: голова лежала на бюваре, одна рука безжизненно свисала, касаясь пальцами ковра, другая осталась на столешнице. Лицо покоилось в луже крови, которая расплзлась по всему столу и весьма удачно стекала струйкой в металлическую мусорную корзину на полу.

Инглиш несколько секунд смотрел на брата мрачным взглядом, но безо всякого выражения на лице.

Морилли наблюдал за ним от двери.

Инглиш подошел к столу и наклонился, чтобы лучше рассмотреть мертвое лицо. Его ботинок задел что-то твердое, и он опустил глаза. Полицейский револьвер 38-го калибра лежал в нескольких дюймах от пальцев покойника.

Инглиш отступил назад.

– Давно он уже мертв? – спросил он отрывисто.

– Навскидку пару часов, – ответил Морилли. – Выстрела никто не слышал. Дальше по коридору находится информационное агентство, в это время там работали телетайпы, и их шум заглушил выстрел.

– Это его пистолет?

Морилли пожал плечами:

– Возможно. У него имелось разрешение на оружие. Я проверю номер. – Он пристально посмотрел на Инглиша. – Мне кажется, тут не в чем сомневаться, мистер Инглиш, это самоубийство.

Инглиш прошелся по комнате, все еще не вынимая рук из карманов. При каждом шаге от него веяло ароматным дымом сигары.

– Почему вы так уверены?

Морилли помялся, затем, переступив наконец порог и войдя в кабинет, закрыл за собой дверь.

– До меня доходили кое-какие слухи. Он был на мели.

Инглиш перестал расхаживать по комнате и впился в Морилли холодными, жесткими глазами.

– Лейтенант, не буду дольше вас задерживать. Вы ведь хотели проводить следственные действия.

– Я подумал, что лучше дождусь вас, – сконфуженно проговорил Морилли.

– Я ценю это. Но я уже увидел все, что хотел. Подожду в машине. Когда закончите, дайте мне знать. Я хочу осмотреть здесь все и заглянуть в бумаги брата.

– Возможно, наша работа займет целый час, мистер Инглиш. Неужели вы будете ждать так долго?

Инглиш нахмурился.

– А вы уже сообщили его жене? – спросил он, мотнув головой в сторону мертвого тела.

– Я никому не сообщал, кроме вас, мистер Инглиш. Хотите, чтобы я позаботился о его жене? Я могу послать полицейского.

Инглиш покачал головой:

– Лучше я сам ее навещу. – Он явно колебался, хмурясь все сильнее. – Наверное, вам это неизвестно, но мы с Роем в последнее время не особенно ладили. Я даже его домашнего адреса не знаю.

– У меня есть кое-что, – невозмутимо отозвался Морилли. Он взял бумажник, лежавший на столе. – Я проверил его карманы, как полагается по протоколу. – Он протянул Инглишу визитную карточку. – Знаете, где это?

Инглиш прочитал адрес.

– Чак знает. – Он постучал по карточке ногтем. – При нем были какие-нибудь деньги?

– Четыре бакса, – ответил Морилли.

Инглиш взял бумажник из рук полицейского, заглянул в него, затем положил себе в карман.

– Я навещу его жену. Кто-нибудь из ваших людей сможет здесь прибраться? Вероятно, я отправлю своего человека проверить его папки.

– Я все устрою, мистер Инглиш.

– Значит, вы слышали, что он на мели, – продолжал Инглиш. – Каким образом до вас дошли эти слухи, лейтенант?

Морилли поскреб щеку, и в его темных глазах отразилась тревога.

– Об этом упоминал наш комиссар. Он знал, что мы знакомы, и попросил меня поговорить с Роем. Я собирался зайти к нему завтра.

Инглиш вынул изо рта сигару и стряхнул пепел на пол.

– Поговорить о чем?

Морилли отвел взгляд:

– Из-за денег он докучал людям.

Инглиш сверлил его взглядом:

– Каким людям?

– Двум-трем клиентам, на которых он работал в последний год. Они пожаловались комиссару. Мне неприятно вам об этом говорить, мистер Инглиш, но ваш брат наверняка лишился бы лицензии.

Инглиш кивнул. Глаза его сузились.

– Значит, комиссар просил вас поговорить с ним. Но почему вас, а не меня, лейтенант?

– Я предлагал ему это, – сказал Морилли, и слабый румянец залил его шею, переходя на бледное лицо. – Но он не из тех, кого легко убедить.

Инглиш неожиданно улыбнулся, и его улыбка не предвещала ничего хорошего.

– Я тоже.

– Все, что я рассказал вам, мистер Инглиш, не для протокола, – поспешно вставил Морилли. – Комиссар с меня шкуру спустит, если узнает, что...

– Все нормально, забудьте, – прервал его Инглиш. Он поглядел на тело. – Это ведь его не оживит, правда?

– Совершенно верно, – произнес Морилли, немного успокаиваясь. – И кое-что еще, тоже не для протокола: лицензию у него собирались отобрать в конце недели.

– За попытку вытрясти деньги из бывших клиентов? – резко спросил Инглиш.

– Насколько я понимаю, он отчаянно нуждался в деньгах. Он угрожал одной особе. Она не стала выдвигать обвинение, однако это был едва ли не шантаж.

Внезапно на скулах Инглиша проступили желваки.

– Лучше поговорим об этом в другой раз, не хочу вас задерживать. Увидимся утром.

– Да, мистер Инглиш, – согласился Морилли.

Когда Инглиш пошел к двери, Морилли добавил:

– Слышал, ваш парень выиграл бой. Мои поздравления.

Инглиш остановился.

– Верно. Кстати, я велел Винсу поставить за вас. С одной сотни вы заработали три. Завтра утром, когда зайдете ко мне, найдите Винса, он отдаст вам наличными. – Инглиш посмотрел Морилли прямо в глаза. – Идет?

Морилли зарделся.

– О, как любезно с вашей стороны, мистер Инглиш. Я правда собирался сделать ставку.

– Да, только у вас не было времени. Знаю, каково это, и о вас не забыл. Люблю заботиться о своих друзьях. Рад, что вы выиграли.

Инглиш вышел в приемную, оттуда в коридор и, кивком подозвав Чака, вошел в лифт.

Морилли с двумя детективами стояли у двери, наблюдая, как лифт отправился вниз.

– Похоже, что ему все это до лампочки, – заметил один из детективов, входя обратно в кабинет.

– А чего ты от него ожидал? – холодно поинтересовался Морилли. – Что он зальется слезами?

III

Жену Роя Инглиш видел всего раз, случайно столкнувшись на коктейльной вечеринке больше года назад. Он заранее был о ней невысокого мнения, хотя и признавал, что судит предвзято. Тогда эта девушка, лет девятнадцати-двадцати, с кукольным личиком, неприятно поразила его пронзительным голосом и отвратительной манерой называть всех подряд лапочками. Но у него не было ни малейших сомнений, что в то время она была по уши влюблена в Роя, и сейчас, сидя сгорбившись в своем «кадиллаке», он задавался вопросом, жива ли еще эта любовь.

Таков был характер Инглиша: он не позволил Морилли сообщить жене брата о его смерти, поскольку никогда не позволял себе отлынивать от неприятных обязанностей. Было бы куда проще предоставить полицейскому навестить ее первым, а уж потом зайти самому, однако он не желал снимать с себя ответственность. Рой был его братом, и жена Роя достойна услышать скорбную весть от него, а не от кого-то постороннего.

Инглиш поглядел в окно.

Чак свернул с главной дороги и теперь уверенно вел машину вдоль авеню, застроенной по обеим сторонам небольшими симпатичными одноэтажными домиками. У Чака было блистательно развито чувство направления: он как будто интуитивно знал, на север ехать или на восток, словно у него в мозгу имелся встроенный компас. Кажется, он никогда не сверялся с картой, и Инглиш ни разу не слышал, чтобы он спрашивал у кого-то дорогу.

– Вот это место, босс, – вдруг произнес Чак. – Белый дом под фонарем.

Он сбросил скорость, прижался к бордюру и остановился у небольшого белого дома.

В одном из задернутых занавесками окон горел свет. Инглиш вышел из машины, съжив широкие плечи от холодного ветра. Шляпу и пальто он оставил в «кадиллаке», окурочка сигары швырнул в сточную канаву. Несколько секунд он изучал дом, ощущая удивление и раздражение. Для человека, отчаянно нуждавшегося в деньгах, Рой выбрал роскошное жилье. В этом весь Рой, с тоской подумал Инглиш, никакого чувства долга. Если ему чего-то хотелось, он это получал, а заботился об оплате уже потом – если вообще заботился.

Инглиш открыл калитку и прошел по дорожке к парадной двери. По обеим сторонам дорожки возвышались пока еще голые штамбовые розы. Аккуратные клумбы пестрели желтыми и белыми нарциссами. Он нажал на кнопку звонка и, услышав за дверью громкие перебивы колокольчиков, поморщился. Подобного рода изыски его раздражали. Последовала пауза. Инглиш в ожидании стоял на крыльце, чувствуя, что Чак с любопытством наблюдает за ним из машины. Затем он услышал приближающиеся шаги, и дверь, удерживаемая цепочкой, приоткрылась на несколько дюймов.

– Кто там? – произнес пронзительный женский голос.

– Ник Инглиш, – ответил он.

– Кто?

Он уловил в ее голосе тревожную нотку.

– Брат Роя, – произнес он, ощутив, как его окатило волной раздражения из-за необходимости признавать это родство.

Цепочка соскользнула, дверь открылась, вспыхнул верхний свет. С их прошлой встречи Коррин Инглиш не изменилась ни капли. Глядя на нее, Инглиш подумал, что примерно так же она будет выглядеть и лет через тридцать. Очень светлая блондинка, миниатюрная, но при этом с приятными округлостями и аппетитными изгибами. Поверх черной шикарной пижамы был наброшен нежно-розовый шелковый пеньюар. Заметив, что он рассматривает ее, она поспешно вскинула руки к золотистым локонам и немного взбила их, все это время не сводя с него изумленных, но в остальном совершенно пустых голубых глаз, напомнивших ему глаза напуганного ребенка.

– Привет, Коррин, – произнес он. – Могу я войти?

– Ну, даже не знаю, – ответила она. – Рой пока еще не вернулся. Я одна. Ты хочешь его видеть?

Он с трудом сдержал раздражение.

– Думаю, мне лучше войти, – произнес он как можно мягче. – Ты простудишься, если и дальше будешь здесь стоять. Боюсь, у меня плохие новости.

– О? – Ее глаза немного расширились. – Но разве тебе не лучше увидеться с Роем? Сомневаюсь, что мне хочется выслушивать плохие новости, да и Рой не любит меня расстраивать.

Он подумал, что это весьма в ее духе. Она живет в этом симпатичном домике, одевается как голливудская старлетка, пока Рой, судя по всему, отчаянно пытается раздобыть денег, и при этом без зазрения совести заявляет, что муж «не любит ее расстраивать».

– Ты простудишься, – повторил Инглиш и шагнул вперед, вынуждая Коррин отступить в маленькую прихожую. Он закрыл дверь. – Боюсь, мои плохие новости касаются тебя, и только тебя. – Он увидел, как ее лицо внезапно застыло от страха, но не успела она заговорить, как он продолжил: – Здесь у вас гостиная? – и он шагнул к ближайшей двери.

– Это зал, – сказала она и, возмущенно поправляя его, уже не помнила, что секунду назад чувствовала испуг: очень ей нужна какая-то гостиная, у нее – зал.

Он открыл дверь.

– Давай войдем и присядем на минутку, – предложил он, пропуская ее вперед.

Коррин прошла в вытянутую комнату с низким потолком. Современная мебель выглядела дешево, но явно была куплена недавно и пока храбро держала марку. Инглиш подумал: «Интересно, как эта мебель будет выглядеть года через два-три. Наверное, развалится к тому времени. Люди вроде Роя и Коррин не ценят постоянство».

В камине догорал огонь, Инглиш подошел и пошевелил угли кочергой, затем подкинул полено, а Коррин тем временем остановилась рядом с ним. В ярком свете торшера он заметил, что ворот и обшлага нежно-розового пеньюара немного засалены.

– Мне кажется, нам надо дождаться Роя, – произнесла она, сплетая и расплетая маленькие пухлые пальчики. Он видел, что она всеми силами старается увильнуть от любой ответственности или необходимости принимать решение.

– Именно по поводу Роя я и пришел, – начал он негромко, развернувшись, чтобы видеть ее. – Сядь, пожалуйста. Я бы очень хотел избавить тебя от этого, но рано или поздно ты все равно узнаешь.

– О!

Она резко села, как будто у нее подкосились ноги, и лицо ее побелело под старательно нанесенным макияжем.

– Он... он попал в беду? – спросила она.

Ник покачал головой:

– Нет. Все гораздо хуже.

Инглиш хотел проявить твердость и сразу сказать ей, что Рой мертв, однако, глядя на это кукольное личико, читая ужас в этих младенчески-голубых глазах, наблюдая, как по-детски подрагивают ее губы и рефлекторно сжимаются кулачки, он смог лишь намекнуть на то, что случилось.

– Он ранен? – Она посмотрела ему в глаза и отшатнулась, словно он замахнулся, чтобы ударить ее. – Но он ведь... он не умер?

– Да, он умер, – произнес Инглиш. – Мне жаль, Коррин. Хотел бы я избавить тебя от этого. Если я могу что-нибудь для тебя сделать...

– Умер?... – повторила она. – Но он не мог умереть!

– Увы, – произнес Инглиш.

– Но он не мог умереть! – повторила она, и ее голос задрожал. – Ты... это говоришь, чтобы меня напугать! Ты всегда меня недолюбливал! И не делай вид, что это не так. Как он мог умереть?

– Он застрелился, – негромко сообщил Инглиш.

Коррин уставилась на него. И он сразу понял, что в это она поверила. Ее кукольное личико словно разбилось вдребезги. Она упала на козетку, закрывая руками глаза. Белая шея Коррин судорожно пульсировала, пока она пыталась совладать со слезами.

Инглиш оглядел комнату, затем подошел к стене, у которой стоял изысканный бар. Он открыл его и обнаружил внутри шеренгу бокалов и бутылок с лаконичными этикетками цвета слоновой кости. Он налил в стакан немного бренди и подал ей.

– Выпей.

Ему пришлось поднести стакан к самым ее губам, но, сделав небольшой глоток, она оттолкнула его руку.

– Он застрелился? Сам? – спросила она, подняв на него взгляд.

Инглиш кивнул.

– Кто-нибудь из твоих друзей сможет сегодня переночевать у тебя? – спросил он. Ему совершенно не нравилось выражение потрясения и ужаса в ее глазах. – Тебе пока нельзя оставаться одной.

– Но ведь теперь я одна, – проговорила Коррин, и слезы покатались по щекам, смывая косметику. – О, Рой! Рой! Как же ты мог? Как ты мог оставить меня одну? – Это был крик испуганного ребенка, и он встревожил Инглиша. Он мягко опустил руку ей на плечо, но Коррин сбросила ее с такой яростью, что он даже отступил назад, ошеломленный.

– Почему он застрелился? – с нажимом спросила она, глядя прямо на него.

– Постарайся хотя бы сегодня выбросить эту мысль из головы, – успокаивающим тоном предложил он. – Хочешь, я пришлю к тебе кого-нибудь? Мою секретаршу?

– Не нужна мне твоя секретарша! – Она неуверенно поднялась на ноги. – И ты мне не нужен! Это ты убил Роя! Был бы ты ему настоящим братом, он бы никогда не поступил так!

Инглиш был настолько изумлен внезапной атакой, что так и застыл на месте, глядя на нее.

– Все ты и твои деньги! – продолжала она пронзительно. – Только о них ты и печешься! Тебе было плевать, что творится с Роем. Ты не удосуживался узнать, как он вообще живет! А когда он пришел к тебе за помощью, ты его вышвырнул! И после этого он себя убил. Что ж, надеюсь, теперь ты доволен! Надеюсь, ты счастлив, что сберег свои грязные доллары! Убирайся отсюда! И не приходи больше никогда. Ненавижу тебя!

– Зачем ты так говоришь? – ровно произнес Инглиш. – Это совершенная неправда. Если бы я знал, что Рой в стесненном положении, я обязательно помог бы ему. Но я не знал.

– Тебе просто было наплевать, бессердечный человек! – визгливо выкрикнула она. – Вы с ним полгода не разговаривали. Когда он попросил тебя одолжить ему денег, ты сказал, что не дашь ему ни доллара. «Помог бы ему!» Это ты называешь помощью?

– Я помогал Рою с тех пор, как он окончил колледж, – возразил Инглиш, и голос его посуровел. – Мне казалось, ему уже пора самому становиться на ноги. Или он ждал, что я буду содержать его всю жизнь?

– Убирайся! – Нетвердой походкой Коррин дошла до двери и распахнула ее. – Убирайся и больше не приходи! И не пытайся предлагать мне свои грязные деньги, потому что я их не возьму! А теперь – вон!

Инглиш растерянно пожал широкими плечами. Ему хотелось схватить эту куклу и встряхнуть, чтобы вернуть ей немного здравого смысла, но он понимал, что Коррин в шоке и ее терзает осознание того, что мужа больше нет в живых в том числе и из-за ее прихотей. Это потрясение заставляет ее яростно вопить, выплескивая на него свое горе, усиленное угрызениями совести. Он догадывался, что, как только он уйдет, она рухнет без сил, и ему очень не хотелось оставлять ее в одиночестве.

– Кто-нибудь из твоих друзей... – снова начал он, но она перебила его пронзительными воплями:

– Убирайся! Убирайся! Не хочу я твоей поганой помощи и твоего сострадания! Ты хуже убийцы. Убирайся!

Инглиш понял, что не сможет ничем ей помочь, и прошел мимо нее в прихожую. Собираясь открыть входную дверь, он услышал ее рыдания и обернулся. Коррин бросилась на козетку лицом вниз, обхватив голову руками. Он покачал головой, помедлил еще немного, а затем вышел из дома и направился к машине.

IV

Когда Инглиш вошел в маленький кабинет лейтенанта Морилли, тот поднялся с места. Детектив в штатском, который тоже находился там, вышел, и Морилли развернул кресло и подвинул его посетителю.

– Рад, что вы заглянули, мистер Инглиш, – произнес он. – Присаживайтесь, пожалуйста.
– Могу я воспользоваться вашим телефоном, лейтенант?
– Конечно, пожалуйста. Я вернусь через пять минут. Хочу принести вам результаты баллистической экспертизы.

Инглиш спросил:

– Ваши люди прибрали там в конторе?
– Да, порядок, – ответил Морилли, направляясь к двери.
– Благодарю.

Когда Морилли закрыл за собой дверь, Инглиш позвонил в свою контору. На звонок ответила Лоис Маршалл.

– Я хочу, чтобы ты отправилась в офис моего брата и все там осмотрела, – сказал Инглиш. – Возьми с собой Гарри. Или уже слишком поздно, чтобы ехать прямо сейчас? – Он бросил взгляд на наручные часы. Они показывали четверть первого ночи. – Но это не займет много времени. Пусть Гарри отвезет тебя оттуда домой.

– Все в порядке, мистер Инглиш, – завершила Лоис. – Что именно вы хотите найти?

– Просмотри папки. Выясни, вел ли он какие-нибудь записи, и если да, принеси их завтра с собой на работу. Оцени в целом атмосферу его рабочего места. Атмосфера даже важнее всего остального. Когда я купил для него детективное агентство, предполагалось, что это долгоиграющее предприятие с хорошей клиентурой. А он угробил его меньше чем за год. Я хочу выяснить, что пошло не так.

– Я обо всем позабочусь, мистер Инглиш.

– Хорошая девочка. Прости, что заставляю тебя трудиться в такой поздний час, но дело срочное.

– Все в порядке, мистер Инглиш.

– Обязательно возьми с собой Гарри. Не хочу, чтобы ты сидела там одна.

Вошел Морилли.

– Подожди минутку, – сказал Инглиш в трубку и спросил у Морилли: – Вы заперли офис, когда уезжали?

Морилли покачал головой:

– Я оставил там дежурного полицейского. Ключи в верхнем ящике письменного стола слева.

Инглиш повторил все услышанное Лоис.

– Дом номер тысяча триста пятьдесят шесть на Седьмой авеню. Контора на седьмом этаже. Называется «Агентство быстрого реагирования».

Лоис сказала, что выезжает немедленно, и положила трубку.

Инглиш вынул портсигар и протянул Морилли. Когда оба раскурили сигары, Инглиш спросил:

– Это его револьвер?

Морилли кивнул:

– Я переговорил с доктором. Док сказал, он стрелял сам. На оружии отпечатки вашего брата. А на виске следы пороха.

Инглиш задумчиво кивнул в ответ.

– Я удовлетворен этой версией, если удовлетворены вы, мистер Инглиш, – произнес Морилли после короткого молчания.

Инглиш снова кивнул:

– Звучит убедительно. Коронерское расследование будет?

– Завтра утром в половине двенадцатого. У вашего брата была секретарша?

Инглиш пожал плечами:

– Понятия не имею. Вполне вероятно. Его жена сможет ответить вам на этот вопрос, но пока что я бы ее не трогал. Она не в себе.

Морилли теребил бювар на столе, двигая его взад-вперед.

– Коронер потребует доказательств сложного финансового положения. Мистер Инглиш, я не хотел бы давать показания, если только комиссар не настаит. Нет необходимости сообщать коронеру, что ваш брат был готов на нехороший поступок.

Инглиш кивнул, рот его сжался.

– Комиссар не станет настаивать. Я поговорю с ним завтра утром. Думаю, к миссис Инглиш лучше отправить Сэма Крейла. И нет нужды сообщать всем на свете, что у Роя были проблемы с деньгами. Он вполне мог страдать от переутомления.

Морилли ничего не ответил.

Инглиш подался вперед, снял телефонную трубку и набрал номер. Нахмурившись, он ждал ответа.

После некоторой задержки Сэм Крейл, его поверенный, ответил на звонок.

– Сэм? Это Ник, – произнес Инглиш. – У меня для тебя работа.

– Надеюсь, не сегодня ночью, – с тревогой в голосе отозвался Крейл. – Я уже ложусь спать.

– Именно сегодня ночью. Ты же вел дела Роя?

– Вроде того, – без энтузиазма откликнулся Крейл. – Он уже много месяцев ко мне не обращался. Что он там задумал?

– Пару часов назад он застрелился, – сдержанно произнес Инглиш.

– Боже мой! Из-за чего?

– Похоже, он был на мели и пытался шантажировать кого-то из прежних клиентов. У него собирались отобрать лицензию, поэтому он предпочел решительно разобраться с этой проблемой, – пояснил Инглиш. – По крайней мере, пока версия такая. Я сообщил Коррин о его смерти, но не называл причины. Она вне себя. Не хочу оставлять ее на ночь одну. Можешь попросить свою жену поехать к ней и остаться до утра?

Крейл подавил негодующее ворчанье.

– Попросить могу, она добрая душа. Жена наверняка согласится, но какого черта? Она ведь уже в постели!

– Если не поедет она, придется поехать тебе, – отрывисто бросил Инглиш. – Не хочу оставлять Коррин в одиночестве. Наверное, даже лучше будет поехать тебе, Сэм. Коррин обвиняет меня в смерти Роя. Конечно, это всего лишь истерика, однако Коррин может все усложнить. Она считает, он должен был получать от меня больше денег. Постарайся переубедить ее. Если придется давать показания перед коронером, я скажу, что Рой переутомился на работе. Постарайся донести это до нее, хорошо?

– Хорошо, – устало произнес Крейл. – Даже не знаю, какого черта я работаю на тебя, Ник. Я возьму с собой Хелен.

– Сэм, не подпускай к Коррин репортеров. Не хочу большой шумихи. Лучше приезжай ко мне в офис завтра к половине одиннадцатого, и мы обсудим план действий.

– Ладно, – буркнул Крейл.

– Быстрее отправляйся туда, – велел Инглиш и положил трубку.

Во время этого разговора Морилли пытался сделать вид, что его нет в кабинете: он отошел к окну и смотрел на темную улицу вниз. Когда Инглиш повесил трубку, он обернулся.

– Если Крейл выяснит, где найти секретаршу вашего брата – при условии, что таковая существует, – мы сможем получить нужную нам информацию, не беспокоя миссис Инглиш.

– И какая же информация вам нужна? – невозмутимым тоном поинтересовался Инглиш.

– Только подтверждение, что у него имелись финансовые проблемы или иная причина, чтобы убить себя, – сконфуженно пояснил Морилли.

– Можете не беспокоиться насчет секретарши, – сказал Инглиш. – Я пришлю Крейла на коронерское расследование. Он сообщит коронеру всю необходимую информацию.

Морилли поколебался, затем кивнул:

– Как скажете, мистер Инглиш.

V

Мчась по Риверсайд-драйв, Чак Иган беззвучно насвистывал сквозь зубы. Он сознавал, что едва держится на ногах после ночной работы, и мечтал уже упасть в кровать. День выдался долгий и полный волнений. Он в первый раз в жизни сидел на боях чемпионата в первом ряду, в первый раз в жизни выиграл тысячу долларов, сделав беспроигрышную, как он знал, ставку.

Чак поглядел на светящийся циферблат часов в приборной панели и покачал головой: 12:40. В постель он попадет не раньше четверти второго, но беда в том, что шеф будет ждать его утром не позже половины десятого – через каких-то восемь часов.

Чак свернул на подъездную дорожку, огибавшую внушительный многоквартирный дом на берегу реки, и притормозил у главного входа. Затем он вышел и открыл пассажирскую дверь.

– Выясни, была ли у моего брата секретарша или какой-нибудь помощник в агентстве, – велел Инглиш, выбираясь из машины. – Завтра первым делом поезжай в его офис и расспроси консьержа. Мне нужен адрес секретарши. За мной приедешь не позже половины десятого. Прежде чем ехать на работу, навестим эту девушку.

– Да, босс, – с готовностью отозвался Чак. – Я все сделаю. Чем еще я могу вам помочь?

Инглиш коротко улыбнулся ему:

– Ничем. Отправляйся спать и не опаздывай завтра.

Он подошел ко входу в здание, толкнул вращающуюся дверь, кивнул ночному портье, который при виде Инглиша вытянулся в струнку, и двинулся к лифту. Нажав кнопку под табличкой «Пентхаус», он привалился к стенке, пока автоматический лифт стремительно и плавно возносил его через пятнадцать этажей к апартаментам в верхнем этаже, которые он снял для Джули. Он прошел по коридору, отделанному панелями из полированного ореха, и остановился перед дверью, которая тоже была сделана из полированного ореха и украшена сверкающими хромом металлическими деталями. Пока он выуживал из кармана ключи, его взгляд остановился на табличке в хромированной рамке, привинченной к двери. На ней была всего одна аккуратно отпечатанная строка: Мисс Джули Клэр.

Инглиш вставил ключ в американский замок, открыл дверь и вошел в небольшую, залитую светом прихожую. Когда он бросил шляпу и пальто на стул, дверь перед ним отворилась, и в дверном проеме возникла рослая и широкоплечая девушка с узкими бедрами и длинными ногами. Шелковистые медно-рыжие волосы были собраны на аккуратной головке в высокий пучок. Большие миндалевидные глаза цвета морской синевы искрились радостью. Она была одета в роскошную оливково-зеленую пижаму, отделанную красным кантом, на маленьких ножках красовались красные же домашние туфли на каблук.

Глядя на нее, Инглиш подумал, до чего же она отличается от Коррин. Какой характер читается на ее лице! Лицо Джули казалось Инглишу более прекрасным, чем лица всех остальных женщин из числа его знакомых. Ее макияж, даже в столь поздний час, решил он, просто верх искусства маскировки. Он знал, что она накрашена, но ни за что не смог бы определить, где косметика есть, а где ее нет.

– Ты поздно, Ник, – произнесла она, улыбаясь ему. – Я уже начала сомневаться, приедешь ли вообще.

– Извини, Джули, – ответил он, – просто меня задержали.

Он подошел к ней, положил руки на ее бедра и поцеловал в щеку.

– Значит, Джои выиграл бой, – продолжала она, глядя на него снизу вверх. – Должно быть, ты доволен.

– Неужели ты слушала трансляцию по радио? – удивился он, увлекая ее за собой в красиво обставленную гостиную. Там ярко пылал большой угольный камин, а лампы под абажурами создавали интимную и уютную атмосферу.

– Нет, я узнала из выпуска новостей.

– Вы с Гарри – два сапога пара, – сказал он, опускаясь в большое пышное кресло и усаживая ее к себе на колени. Она свернулась клубочком, обхватив его за шею и приблизив к нему свое лицо. – Просто не верится, что он почти все организовал в одиночку, несколько недель пахал как проклятый, а потом не пошел на бой. Такой же чувствительный, как и ты.

– Мне кажется, эти бои – чудовищный бизнес, – ответила она, сморщив нос. – Не могу винить Гарри за то, что не пошел туда.

Инглиш пристально глядел на яркое пламя, лизавшее угли, и рассеянно поглаживал прикрытое шелковой тканью бедро Джули.

– Возможно, ты права, но этот бизнес приносит много денег. А твоё выступление прошло на ура?

Она безразлично пожала плечами:

– Вроде бы. Публике, кажется, понравилось. Я спела не особенно хорошо, но никто, похоже, не заметил.

– Наверное, тебе нужен отдых. Скорее всего, я смогу поехать куда-нибудь в следующем месяце. Можем отправиться во Флориду.

– Поживем – увидим.

Он пристально взглянул на нее:

– Я думал, тебе понравится такая идея, Джули.

– Даже не знаю. Пока что мне не хочется бросать клуб. Расскажи, как прошел бой, Ник.

– Я собираюсь рассказать тебе кое-что другое. Помнишь Роя?

Он ощутил, как она напряглась.

– Помню, конечно. А почему ты спрашиваешь?

– Этот дурак застрелился сегодня вечером.

Она попыталась отстраниться, но он снова привлек ее к себе.

– Останься так, Джули.

– То есть он умер? – спросила она, впиваясь пальцами в его руку.

– Да, он умер. Единственное дело, которое ему удалось успешно довести до конца.

Она задрожала.

– Не говори так, Ник. Какой ужас! Когда это случилось?

– Около половины десятого. Морилли позвонил мне в разгар вечеринки. Какой шанс для него! Из всей кучи народу, что работает в отделе по расследованию убийств, именно ему выпало обнаружить тело Роя. И он всеми силами старался продемонстрировать, какую любезность мне оказывает.

– Не люблю этого типа, – сказала Джули. – Есть в нем что-то такое...

– Да просто коп, который цепляется за любую возможность срубить денег. Вот и все, что в нем есть.

– Но почему же Рой это сделал?

– Да, вот это для меня загадка. Не возражаешь, если я прогуляюсь по комнате? А то ты отвлекаешь меня от мыслей. – Он подхватил ее на руки и поднялся, осторожно усадил в кресло, а затем подошел к камину. – Что-то ты побледнела, Джули.

– Наверное, от потрясения. Я не ожидала услышать ничего подобного. И я не понимаю, огорчен ли ты, Ник, но если да, я сочувствую.

– Я не огорчен, – сказал Инглиш, вынимая портсигар. – Возможно, причиной этому шок, но не могу сказать, что я особенно расстроен. Рой был сущим наказанием с момента своего рождения. Наверное, он уже родился бездельником. Вечно влипал в разные истории. В точности как наш папаша. Я когда-нибудь рассказывал тебе о нашем старике, Джули?

Она покачала головой. Откинувшись на спинку кресла, она смотрела в огонь, барабаня пальцами по колену.

– Он был скверным, так же как и Рой. Если бы мать не пошла работать, когда мы были детьми, мы бы просто умерли с голоду. Видела бы ты нашу квартиру, Джули. Три клетушки в подвальном этаже. Зимой там по стенам сочилась вода, а летом стояла нестерпимая вонь.

Джули наклонилась, чтобы подбросить в огонь полено, и Инглиш ласково провел рукой по ее шее.

– Впрочем, все это уже в прошлом, – продолжал он. – Но я не понимаю, с чего Рой застрелился. Морилли утверждает, он был на мели и пытался разжиться деньгами, угрожая кому-то из бывших клиентов. В конце недели его собирались лишить лицензии. Но я бы с уверенностью поставил на то, что из-за подобной мелочи Рой не стал бы стреляться. Не верю, что у него хватило бы духу убить себя, даже окажись он в куда худшем положении. Все это чертовски странно. Морилли говорит, его устраивает версия самоубийства, но я все же не верю.

Джули бросила на него быстрый взгляд:

– Но, Ник, если так считает полиция...

– Да, понимаю, но меня это ставит в тупик. Почему он не пришел ко мне, если его так приперло? Да, в прошлый раз я вышвырнул его, но когда его останавливала такая ерунда? Я тысячу раз вышвыривал его, а он постоянно возвращался.

– Может, в нем разыгралась гордость, – негромко предположила Джули.

– Гордость? У Роя? Милая моя, ты не знала Роя. У него шкура как у носорога. Он был готов сносить любые оскорбления, лишь бы получить деньги. – Инглиш раскурил сигару и принялся медленно вышагивать по комнате. – Почему же его бизнес так вот рухнул? Когда он пришел ко мне с предложением купить для него это дело, я взял на себя труд все тщательно проверить. На тот момент агентство приносило хороший доход. Это был отлично налаженный бизнес. Не мог Рой так быстро все разбазарить, разве что сделал это нарочно. – Инглиш нетерпеливо махнул рукой. – Я был дурак, что согласился. Должен был догадаться, что работать он не станет. Представить только Роя частным детективом. Да это же курам на смех. Я сваял дурака, дав ему денег.

Джули наблюдала, как он мечется по комнате. В ее глазах застыли настороженность и тревога, но Инглиш ничего не замечал.

– Я отправил Лоис осмотреть его контору, – продолжал Инглиш. – У нее на подобные дела нюх. Она сумеет понять, что пошло не так.

– Ты отправил туда Лоис посреди ночи? – резко спросила Джули.

– Мне хотелось, чтобы она взглянула на это место, пока Коррин не сунула туда свой нос.

– Ты серьезно? Лоис в самом деле сейчас там?

Инглиш перестал метаться по комнате и посмотрел на нее, удивленный резкостью ее тона.

– Ну да. С ней там Гарри. Она не возражает против сверхурочной работы. А ты как будто удивлена.

– Но ведь сейчас же почти половина второго ночи. Неужели все это не могло подождать до утра?

– Туда может нагрянуть Коррин, – пояснил Инглиш, хмурясь. Он не любил, когда его решения ставили под сомнение. – А я хочу знать, чем занимался Рой.

– Сдается мне, она в тебя влюблена, – заметила Джули, поворачиваясь к нему спиной.

– Влюблена? – озадаченно переспросил Инглиш. – Кто? Коррин?

– Лоис. Она ведет себя так, словно она твоя рабыня. Девушка станет выкладываться настолько, Ник, только если влюблена.

Инглиш засмеялся:

– Чепуха. Я хорошо ей за это плачу. Кроме того, она не из тех девушек, которые влюбляются.

– Нет на свете такой девушки, которая не влюбляется, было бы в кого, – негромко проговорила Джули. – Я-то думала, ты более проникателен, Ник, а ты говоришь такое.

– Оставим Лоис в покое, – предложил Инглиш с некоторым раздражением в голосе. – Мы сейчас говорим о Рое. Вечером я навестил Коррин.

– Это ты правильно сделал. Я ни разу ее не видела. Какая она, Ник?

– Пухлая тупоголовая блондинка, – отрезал Инглиш, подходя, чтобы сесть на подлокотник кресла. – Она мне заявила, что это я виноват в смерти Роя, и выставила меня за дверь.

– Ник! – Джули быстро взглянула на него, но успокоилась, увидев, что он улыбается.

– Подозреваю, это была истерика, однако я на всякий случай вытащил Сэма из постели и отправил ее успокаивать. Приходится проявлять осторожность, чтобы это дело не переросло в скандал, Джули. В данный момент у меня на кону крупная ставка. – Его загорелая рука скользнула ей на плечо, пальцы нежно провели по шее. – Через несколько недель сенатор объявит, что это я профинансировал строительство новой больницы. Комитет, разумеется, и так знает, а вот пресса – пока нет. Есть мысль назвать больницу в мою честь.

– Назвать в твою честь? – с недоумением повторила Джули. – Но зачем, скажи на милость?

Инглиш улыбнулся чуть сконфуженно:

– Звучит безумно, да? Но я хочу этого, Джули. Я хочу этого больше всего на свете. – Он встал и снова заметался по комнате. – Я добился в жизни неплохого успеха, Джули. Я начинал без гроша в кармане, а теперь я не хуже любого другого богача, если мерить в деньгах, но деньги не самое главное. Джули, если я умру прямо сейчас, через неделю меня все забудут. Самое главное, что оставляет по себе человек, – это имя. Если больницу назовут в мою честь, что ж, наверное, тогда меня забудут не так быстро. Но есть еще один момент, даже более важный. Я обещал матери, что стану знаменитым, и она верила мне. Она не дожила до того момента, когда мои дела пошли в гору. Когда она умерла, я все еще болтался по городу со своим гирокомпасом без гроша в кармане, но я обещал ей, что добьюсь успеха, я обещал ей, что пробьюсь наверх, и она верила мне. Она была бы вне себя от счастья, если бы узнала, что в мою честь назовут больницу, а я, дурак такой, до сих пор думаю, что, может, и будет еще – там, где она сейчас.

Джули слушала в зачарованном молчании. Она и не подозревала, что Инглиш может думать и рассуждать подобным образом. Ее разбирал смех, но она инстинктивно понимала, что он придет в ярость, если она засмеется. Мечтать, чтобы в твою честь назвали больницу! И такие сантименты из-за матери! Невероятно и совершенно не согласуется с его характером. Она не без тревоги подумала, что знает его совсем не так хорошо, как ей казалось. Она-то всегда считала его бессердечным дельцом, который молится на деньги. И новая сторона его характера напугала ее.

– Давай смейся, если хочешь, – предложил Инглиш, улыбаясь. – Я понимаю, что это смешно. Я и сам иногда смеюсь над собой, но я действительно этого хочу и собираюсь заполучить. «Больница имени Ника Инглиша!» Звучит очень недурно, а?

Джули положила ладонь ему на предплечье:

– Ник, если ты этого хочешь, то я тоже хочу.

– Мне это кажется правильным, – сказал он неожиданно задумчиво. – Только вот самоубийство Роя может все испортить.

– Но почему?

– Хочешь верь, хочешь не верь, Джули, но у меня ушла прорва времени, чтобы убедить комитет позволить мне финансировать строительство больницы. В такое трудно поверить, правда?

– Что за комитет?

– Комитет городского планирования, – терпеливо пояснил он. – Ты не представляешь, что это за сборище прыщей на ровном месте. Все, само собой, из лучших семейств города, хотя ни один из них в жизни не заработал и десяти центов. Они получили свои капиталы по наследству. А как они над ними трясутся! Могу поспорить, у каждого полно скелетов в шкафу, но зато внешне это просто когорта ангелов во плоти, какой свет не видывал. Меня они не одобрили. Двое из них даже заявили, будто я гангстер. Сенатору пришлось весьма резко поговорить с ними, чтобы они соизволили принять мои деньги. В то время еще и речи не шло, что больницу назовут в мою честь. А если станет известно, что Рой был в трудном положении, что он действительно шантажировал своих бывших клиентов, то моя мечта станет недостижимой, как снега Эвереста. Морилли это понимает. И полицейский комиссар тоже понимает. Они получают вознаграждение, если дело будет замято. Но вот с Коррин могут возникнуть трудности. Она в лепешку расшибется, чтобы мне напакостить. Если она начнет трубить на всех углах, что я не давал Рою денег, что Рою пришлось зарабатывать шантажом, меня спишут со счетов. Комитет будет рвать и метать. – Он швырнул сигару в камин и продолжил неожиданно севшим голосом: – Ну почему этот паршивец не мог застрелиться в следующем месяце, когда дело было бы уже в шляпе?

Джули поднялась с кресла.

– Пойдем в постель, Ник, – предложила она, скользнув рукой по его руке. – Давай сегодня не будем больше об этом думать.

Он с вождением погладил ее по попке.

– У тебя полно отличных идей, Джули, – сказал он. – Идем в постель.

VI

Позади скромного дома без лифта, расположенного на Ист-плейс под номером 45, вдоль переулка тянулся запущенный садик, ограниченный по бокам шестифутовыми кирпичными стенами. В летние месяцы этот переулок был популярен у влюбленных парочек, потому что здесь не было фонарей, и темными вечерами прохожие предпочитали держаться отсюда подальше.

Последние два часа в переулке дежурил какой-то мужчина, не сводивший глаз с освещенного окна на четвертом этаже дома. Мужчина был среднего роста, с широкими и мускулистыми плечами. На голове у него была широкополая мягкая шляпа коричневого цвета, сдвинутая на глаза, и в слабом свете луны можно было разглядеть только тонкогубый рот и квадратный подбородок. Остальное скрывалось в тени, которую отбрасывали широкие поля шляпы.

Одет он был дорого. Коричневая пиджачная пара, белая шелковая рубашка и крапчатый галстук-бабочка придавали ему вид преуспевающего денди, а когда он вскинул руку, чтобы посмотреть на золотые часы, то продемонстрировал не только два дюйма белоснежной манжеты, но еще и краешек шелкового носового платка, засунутого в рукав.

Он стоял неподвижно, дожидаясь чего-то, и жевал резинку, ритмично и безостановочно двигая челюстями. Все два часа своего бдения он был терпелив, словно кот, поджидающий мышь. Сразу после полуночи свет в окне четвертого этажа вдруг погас, и весь многоквартирный дом погрузился в темноту.

Мужчина в коричневом костюме остался неподвижен. Он прислонился широкими плечами к кирпичной стене, сунув руки в карманы брюк, и выждал еще с полчаса. Затем, сверив-

шись со своими часами, он протянул руку куда-то в темноту и поднял моток тонкой веревки, лежавший у его ног. К одному концу веревки был прикреплен обтянутый резиной крюк.

Он перемахнул через стену, после чего беззвучно и стремительно прошел по гаревой дорожке, которая вела через запущенный садик к задней стене дома.

В свете луны железная пожарная лестница особенно четко вырисовывалась на фоне белой оштукатуренной стены.

Мужчина в коричневом костюме остановился под выдвижным концом лестницы, который находился на расстоянии пяти футов от его вытянутой руки. Он размотал веревку и метнул крюк в небо. Крюк зацепился за перекладину пожарной лестницы. Мужчина покрепче взялся за веревку и потянул. Конец лестницы медленно и беззвучно соскользнул вниз и уперся в землю.

Мужчина в коричневом костюме снял крюк, смотал веревку и повесил на нижнюю перекладину лестницы, чтобы забрать на обратном пути.

Он начал подниматься по лестнице, шагая через перекладину, двигаясь решительно и ни разу не оглянувшись, чтобы узнать, не наблюдает ли кто за ним. Он добрался до окна четвертого этажа, за которым следил последние два часа, и с удовлетворением отметил, что окно приоткрыто снизу на несколько дюймов. Также он отметил, что шторы на окне задернуты. Опустившись перед окном на колени, мужчина приблизил ухо к щели между рамой и подоконником и прислушался. В такой позе он застыл на несколько минут, затем подsunул пальцы под раму окна и аккуратно потянул. Окно, дюйм за дюймом, поехало вверх, не издавая ни звука.

Открыв окно полностью, мужчина в коричневом костюме обернулся через плечо, посмотрел вниз на темный сад и еще более темный переулок. Вокруг не было заметно ни движения, не раздавалось ни звука, если не считать его собственного размеренного дыхания.

Шторы висели достаточно далеко от окна, и он соскользнул в комнату, не всколыхнув их. Осторожно повернувшись, он принялся закрывать окно, снова сдвигая его дюйм за дюймом без малейшего звука. Когда окно вернулось в первоначальное положение, он распрямылся, развернулся и на дюйм отодвинул одну штору, всматриваясь в темноту комнаты. Приторный запах пудры, выдохшихся духов и косметики подсказал ему, что он попал туда, куда планировал. Он прислушался и спустя пару мгновений уловил звук быстрого легкого дыхания где-то неподалеку от своего укрытия. Мужчина достал фонарик, тонкий, как карандаш, и включил его, прикрыв лампочку пальцами. В этом слабом свете он разглядел кровать, стул с наброшенной на него одеждой, и ночной столик у кровати, на котором была небольшая лампа под абажуром, часы и книжка.

Кровать стояла изголовьем к окну. Он разглядел очертания тела под одеялом. На столбике кровати висел шелковый халат. Старательно отворачивая фонарик от спящей женщины, мужчина в коричневом костюме наклонился и аккуратно потянул из шлевок халата шелковый пояс, пока полностью не выдернул его. Проверив пояс на прочность, он, довольный результатом, протянул руку и взял с ночного столика книгу.

Зажав пояс халата и фонарик в левой руке, книгу – в правой, он отступил обратно за шторы, где выключил фонарик, сунул его в карман, а затем, все еще скрываясь за шторами, отвел одну из них левой рукой, а правой швырнул вверх и в сторону от себя книгу. Книга с громким хлопком приземлилась плашмя на лакированный пол, и звук показался по-настоящему оглушительным в тишине квартиры.

Мужчина в коричневом костюме отпустил штору и принялся ждать, размеренно пережевывая резинку. Он услышал, как скрипнула кровать, а потом женский голос отрывисто спросил:

– Кто здесь?

Он ждал, замерев, дышал ровно и прислушивался, чуть склонив голову набок.

Зажглась лампа на прикроватном столике, и мягкий свет просочился сквозь шторы. Он немного раздвинул их, чтобы видеть комнату.

На кровати сидела темноволосая стройная девушка в голубой ночной сорочке из нейлона. Она смотрела в сторону двери, стискивая кулачками край одеяла, он слышал ее сбивчивое, тревожное дыхание.

Мужчина беззвучно взял один конец пояса в правую руку, другой – в левую. Развернулся, чтобы удобно было раздвинуть шторы плечом. Но пока он только наблюдал за девушкой, выжидая.

Она заметила на полу книгу, кинула быстрый взгляд на ночной столик, потом снова посмотрела на книгу и сделала ровно то, на что он надеялся. Она откинула одеяло и спустила ноги на пол, протягивая руку к халату. Затем поднялась и начала просовывать руки в рукава халата, повернувшись в этот момент к окну спиной. Мужчина в коричневом костюме раздвинул шторы плечом и беззвучно шагнул в комнату. Неуловимо быстрым движением он перекинул пояс от халата через голову девушки, перекрестил концы и стянул на горле. Вскинув колено, он уперся ей в область талии, заставив упасть на четвереньки, сам же насел сверху, вжимая ее в пол. Пояс от халата врезался ей в горло, превратив неистовый крик в тоненький, едва различимый писк. Мужчина в коричневом костюме уперся коленями в плечи девушки, обеими руками затягивая пояс на ее шее.

Он замер в таком положении, размеренно жуя резинку и наблюдая за конвульсиями ее тела и слабыми движениями рук, скребущих по ковру. Он проявил осмотрительность, не применяя чрезмерной силы, и натягивал пояс ровно настолько, чтобы кровь перестала поступать к мозгу, а воздух – к легким. Он удерживал девушку без малейшего труда, глядя с отстраненным интересом, как судороги становятся все слабее, переходя в агонию только лишь с рефлекторными сокращениями мышц.

Он прижимал тело девушки коленями, туго стянув пояс, еще минуты три или четыре, затем, убедившись, что она больше не шевелится, аккуратно снял пояс с шеи и перевернул тело на спину.

Заметив, что из одной ноздри вытекла струйка крови, запачкав ковер, мужчина нахмурился. Он приложил палец к главному яблоку девушки, а затем, не ощутив ответного трепета, поднялся и отряхнул брюки, одновременно быстро оглядывая комнату.

За дверью напротив кровати обнаружилась небольшая ванная комната. Заметив привинченный к двери крепкий крючок, мужчина одобрительно кивнул.

Следующие минут десять он провел, обустроив место преступления по своему разумению. Его движения были неторопливыми и хладнокровными. Завершив дело, он окинул комнату быстрым пронзительным взглядом, не упускавшим ни одной детали, не оставлявшим без внимания ничего, что могло бы послужить уликой.

Затем он погасил лампу и подошел к окну. Открыл его, повернулся поправить шторы, шагнул на пожарную лестницу и опустил оконную раму, вернув ее в то же положение, в каком она была изначально.

Глава вторая

I

На следующее утро, незадолго до половины десятого, Чак Иган уже свернул на круговую подъездную дорожку перед домом Джули на Риверсайд и остановил «кадиллак» у главного входа.

Ник Инглиш показался во вращающейся двери, не успел его водитель выйти из автомобиля. Сегодня Чак был одет в свой любимый черный костюм, черную шляпу с мягкими полями и белый галстук. Этот наряд, который лично Чак считал единственной приемлемой для себя униформой, выставлял его в самом выгодном свете – так хорошая рама подчеркивает достоинства в целом заурядной картины. Если в смокинге Чак был похож на какого-нибудь третьеразрядного официанта, то в этой черной пиджачной паре и мягкой шляпе, лихо сдвинутой на один глаз, он выглядел тем, кем и был на самом деле: жестким, крутым и опасным парнем.

– Доброе утро, Чак, – произнес Инглиш, садясь в машину. – Что хорошего скажешь?

– Я, как вы и велели, съездил и поговорил с консьержем, – сообщил Чак, склонившись над дверцей машины и наблюдая, как Инглиш устраивается на сиденье. – Это некий Том Кэлхун. Он оказался весьма услужливым парнем после того, как я позвонил монетами у него над ухом. У вашего брата была секретарша. Ее зовут Мэри Савитт, у нее квартира на Ист-плейс, дом сорок пять.

– Отлично, – одобрил Инглиш. – Давай съездим туда. Поторопись, Чак. Я хочу застать ее, пока она никуда не ушла.

Чак прыгнул на водительское сиденье и завел мотор. Пока «кадиллак» быстро скользил по запруженным автомобилями улицам, Инглиш просматривал захваченные с собой газеты.

Все они отвели довольно много места под самоубийство Роя, связывая его имя с именем Ника. По крайней мере, Сэм Крейл сделал свою работу, подумал Инглиш: Коррин никто не упоминал. Морилли, похоже, тоже отработывал свое содержание. Он выдал репортерам версию, что Рой переутомился на работе, предположительно, застрелился в приступе депрессии, наступившей вслед за нервным срывом. История звучала не особенно убедительно, но Инглиш был уверен, что ее будут считать правдивой до тех пор, пока кому-нибудь не придет в голову усомниться вслух.

Перед тем как уйти от Джули, Инглиш позвонил в свой офис. Гарри сказал, что его там дожидаются газетчики, и Инглиш велел задержать их до его приезда.

Он с раздражением подумал, что, возможно, даром потратит время на эту Мэри Савитт. А ведь предстоит еще столько дел. Ему необходимо увидеться с сенатором Генри Бомонтом и развеять его опасения. Ему необходимо переговорить с комиссаром полиции. Ему необходимо побеседовать с Сэмом Крейлом, а потом еще разобраться с этими борзописцами. Однако он был на сто процентов уверен, что если кто-то и догадывается, с чего вдруг Рой убил себя, то это именно Мэри Савитт. Личный секретарь, как никто другой, знает, что творится на душе у работодателя, и, если только эта девушка не совсем уж пустоголовая, она должна догадываться, что именно пошло не так.

Чак произнес:

– Подъезжаем, босс. Это вон то здание слева.

– Перед входом не останавливайся, – сказал Инглиш. – Проедешь еще полквартила, а оттуда вернемся пешком.

В точности выполнив указания, Чак припарковал машину. Мужчины вышли.

– Пойдешь со мной, – велел Инглиш и двинулся быстрым и широким шагом к многоквартирному дому из темно-коричневого песчаника, на который указал ему Чак.

В подъезде висели почтовые ящики с именами жильцов, и Инглиш вычислил, что квартира Мэри Савитт находится на четвертом этаже. Вход на этажи преграждала дверь, возле которой тянулся целый ряд звонков. Чак нажал на кнопку четвертого этажа, ожидая, что сейчас щелкнет замок. Однако ничего не произошло, и он, нажав на кнопку еще раз три, посмотрел на Инглиша.

– Похоже, гнездышко пусто, – произнес он.

– Вероятно, она уже видела газеты и поспешила в контору, – предположил Инглиш, нахмурившись.

В этот момент дверь на лестницу открылась, и из нее вышла девушка. Она была аккуратно одета, но в безжалостном утреннем свете выглядела сонной и бледной. Однако при виде Инглиша глаза ее широко распахнулись. Руки спешно взметнулись к волосам, и она заправила под шляпку выбившийся локон. Инглиш равнодушно наблюдал за ее реакцией. Его фотографии так часто печатали в газетах, что он уже привык, когда его узнают посторонние люди.

Он приподнял шляпу:

– Прошу прощения, мисс, я надеялся застать мисс Савитт. Наверное, она уже ушла?

– О нет, она еще не уходила, мистер Инглиш, – ответила девушка, улыбаясь. – Вы ведь мистер Инглиш, верно?

– Совершенно верно, – ответил Инглиш, держа шляпу в руке. – Как вы сразу меня узнали.

– Ну конечно! Я бы вас узнала где угодно, мистер Инглиш. На прошлой неделе я была на «Далекой луне». Считаю, это просто грандиозное шоу!

– Очень рад, – отозвался Инглиш и каким-то образом сумел показать, что он действительно рад и ее мнение важно для него. – Наверное, мисс Савитт все еще спит. Я уже три раза звонил.

Пока они беседовали, Чак с нескрываемым интересом рассматривал девушку. Его острый взгляд отметил ее длинные, стройные ноги, и он вытянул губы, беззвучно присвистнув.

– Наверное, у нее звонок сломался, – предположила девушка, не подозревая о пристальном интересе Чака. Ее взгляд был сосредоточен на одном только Инглише. – Я точно знаю, что она дома. Бутылка молока до сих пор стоит на пороге, и газета там же. Кроме того, она никогда не уходит раньше десяти.

– В таком случае я, пожалуй, поднимусь и постучу, – сказал Инглиш. – Большое спасибо за помощь.

– Пожалуйста. Она точно дома.

Инглиш одарил ее теплой дружелюбной улыбкой, от которой у нее слегка закружилась голова, и прошел мимо нее к лестнице вместе с Чаком, который ступал за ним по пятам.

Пока они поднимались по ступенькам, Чак присвистнул уже вслух:

– Вот это да! Мне бы так. Видели, как она глазела на вас? Да она была готова в обморок хлопнуться. Стоило вам лишь щелкнуть пальцами, и она бы...

– Перестань! – отрезал Инглиш.

– Слушаюсь, босс, – ответил Чак, закатывая глаза. Но пока он шел по ступенькам, губы его все еще двигались, как будто он продолжал безмолвно рассуждать сам с собой.

Перед дверью Мэри Савитт действительно стояла бутылка молока и лежала сложенная газета.

Инглиш кивнул на дверь, и Чак резко постучал.

Никто не открыл. Чак снова постучал и снова не дождался ответа.

– Как думаешь, Чак, сможешь вскрыть замок? – спросил Инглиш, понизив голос.

На секунду Чак выразил изумление, затем осмотрел замок.

– Плевать, но вдруг она вызовет полицию.

– Давай открывай, – велел Инглиш.

Чак вынул из кармана небольшую железку, подставил ее под замок, немного поколдовал, и в следующий момент дверь была открыта.

Инглиш ступил в старательно прибранную гостиную, маленькую, неплохо обставленную и яркую от весенних цветов.

– Дома есть кто? – спросил он, повышая голос.

Подождав в тишине, Инглиш пересек комнату и постучал в следующую дверь.

Чак тоже вошел в квартиру и тихо прикрыл за собой входную дверь.

Инглиш снова постучал, затем открыл дверь и заглянул в затемненную комнату. Сквозь задернутые занавески просачивалось достаточно света, чтобы понять, что это спальня. Он взглянул на кровать: никого, и одеяло отброшено в сторону.

– Думаю, она вышла, – сказал он Чаку.

– Может, ванну принимает, – предположил Чак. – Хотите, я загляну?

Инглиш пропустил мимо ушей его любезное предложение и вошел в спальню, на ходу включив свет.

Он вошел и замер на месте.

Справа от входа в спальню была еще одна дверь. И на этой двери, на белом шелковом пояске, перекинутом через верхнюю часть двери и закрепленном на чем-то с другой стороны, висело тело темноволосой девушки лет двадцати с небольшим. На ней был расстегнутый шелковый халат, под которым виднелась голубая ночная сорочка из нейлона. Даже если при жизни она и была красоткой, то теперь лицо стало восковым и распухший язык торчал из раскрытого рта. Запекшаяся кровь нитью тянулась от носа к подбородку. Чак шумно выдохнул.

– Вот же черт! Зачем она это сделала? – проговорил он придушенным, низким голосом. Инглиш подошел к ней и коснулся руки.

– Наверное, она мертва уже часов семь, – решил он. – Дело все усложняется, Чак.

Чак подошел и встал рядом с ним, впившись в мертвую девушку оценивающим взглядом.

– Это точно, – согласился он, а затем продолжил: – Вот бы моя девчонка завела себе такую ночнушку, а то у нее одни только пижамы.

Инглиш не слушал его. Он стоял, пристально глядя на покойницу, и лихорадочно размышлял.

– Нам бы лучше убраться отсюда, босс, – произнес Чак после долгой паузы.

– Помолчи, а? – отрезал Инглиш и принялся обходить комнату.

Чак подошел к входной двери и ждал там, не спуская маленьких жестких глаз с Инглиша.

– На каминной полке, босс, – внезапно произнес он.

Инглиш взглянул на каминную полку. Среди обычных безделушек, какие люди держат на камине, стояла фотография в серебристой рамке: портрет его брата Роя.

Он взял фотографию.

В нижней части фото, сделанная белыми чернилами размашистым почерком его брата, тянулась наискосок надпись: «Смотри на меня, дорогая, и помни, кем мы станем друг для друга. Рой».

Инглиш негромко выругался себе под нос.

– Значит, он был в нее влюблен! – Он обернулся на Чака. – И он наверняка ей писал. Такие, как он, всегда пишут. Займись-ка этим, поищи какие-нибудь письма.

Чак приступил к работе, действуя ловко, быстро и с тщательностью профессионала.

Инглиш отступил в сторонку, наблюдая, как он осматривает многочисленные ящики и полки шкафов. Уже скоро Чак выудил стопку писем, перевязанную голубой лентой, протянул их Инглишу, а сам продолжил поиски.

Инглиш просмотрел письма, узнавая почерк брата. Ему хватило пробежать глазами два или три, чтобы выяснить: Рой и Мэри страстно любили друг друга и Рой собирался бросить Коррин, чтобы уехать с Мэри.

Скорчив гримасу, он сунул письма в карман. Чак задвинул последний ящик.

– Здесь больше ничего, босс.

– Поищи в соседней комнате, – сказал Инглиш, и, когда Чак вышел из спальни, снял с камина фотографию брата в серебристой рамке и тоже положил в карман.

Спустя пять минут Инглиш с Чаком покинули квартиру, спустились по ступенькам и направились к машине.

– В офис, и побыстрее, – приказал Инглиш, усевшись в машину. – И еще: держи рот на замке обо всем этом, Чак.

Чак кивнул, скользнул за руль, и «кадиллак» понесся по шоссе.

II

В кабинете Инглиша ожил стоявший на широком письменном столе красного дерева интерком, Инглиш подался вперед и нажал на клавишу.

– Пришел мистер Крейл, мистер Инглиш, – доложила ему Лоис.

– Пригласи его, а когда он уйдет, зайди ко мне сама, – сказал Инглиш, отодвигаясь от стола вместе со стулом.

Спустя секунду дверь открылась, и вошел Сэм Крейл.

Крейл был почти таким же высоким, как Инглиш, и невероятно толстым. Черные густые волосы он приглаживал с помощью бриолина. Лицо у Крейла было мертвенно-бледное, зато глаза, похожие на бусинки, смотрели остро. Гладкие жирные щеки отливали синевой от частого бритья, на пухлых пальцах росли волосы, но ногти впечатляли безукоризненным маникюром.

Хотя подобная внешность не особенно располагала к нему людей, он считался самым лучшим адвокатом в городе и вел все дела Инглиша с тех пор, как тот пошел в гору.

– Привет, Ник, – произнес Крейл, пододвигая себе стул. – Скверное дело.

Инглиш проворчал что-то, подтолкнул в направлении Крейла коробку с сигарами и замер, выжидающе всматриваясь в него.

– Как там Коррин? – отрывисто спросил он.

Крейл поморщился. Он выбрал сигару, обрезал золотой гильотиной кончик, раскурил и выпустил облачко дыма в потолок.

– С ней трудно, Ник, она твердо решила устроить скандал.

– Не устроит, – коротко бросил Инглиш. – За что, как ты думаешь, я тебе плачу? Это ведь твоя работа – не дать ей устроить скандал.

– А чем, по-твоему, я занимался с того момента, как приехал к ней вчера ночью? – спросил Крейл с легким возмущением. – Только она не станет нам подыгрывать. Ее версия такова: Рой был весь в долгах. Он пришел к тебе просить денег, а ты вышвырнул его.

Инглиш засопел.

– Он приходил ко мне занять денег полгода назад, – заявил он. – Не ахти какая версия. Почему же он не застрелился раньше?

– Она уверяет, что он приходил к тебе позавчера.

– В таком случае она лжет.

– Рой ей сказал, что ходил к тебе.

– В таком случае солгал он.

Крейл задумчиво изучал свою сигару.

– Ник, это будет трудно доказать. Пресса только и ждет, за что уцепиться. Коррин заявит, что ты не помог Рою и ему пришлось надавить на бывших клиентов, чтобы раздобыть денег.

Один из этих клиентов позвонил в полицию. Коррин считает, это ты велел комиссару полиции отобрать у Роя лицензию. Не видя для себя будущего, тот застрелился. По версии Коррин, ты получаешься прямым виновником его смерти.

Инглиш нахмурился:

– Это Рой рассказал ей такое или она выдумала все сама?

– Она говорит, Рой ей рассказал, и именно это она собирается изложить коронеру. Коронерское расследование через час, Ник.

– Угу. – Инглиш поднялся и подошел к окну. – Она меня не любит, верно?

– Да, подозреваю, что не любит. Говорит, жизнь ее разрушена и она не видит причины не разрушить и твою.

– Вот дура! С чего она взяла, что мою жизнь может разрушить подобная небылица? – возмутился Инглиш, отворачиваясь от окна. – Кто вложил эту идею в ее пустую башку?

Крейл пожал плечами:

– Это тебя не уничтожит, Ник, но скандал разразится. Люди убеждены, что ты купаешься в деньгах. Общественное мнение – опасная штука, с которой не стоит тягаться. Коррин говорит, Рою нужно было четыре тысячи, чтобы выкарабкаться. Четыре тысячи для тебя погоды не сделали бы. Она сможет подать всю историю в крайне отвратительном свете, Ник.

– Рой хотел десять тысяч, и он не говорил для чего, – сказал Инглиш. – Я отказал, подумав, что пора ему уже перестать меня доить. А он продолжил бы это делать, если бы я не объяснил ему, что он не имеет права являться ко мне каждый раз, когда у него заканчиваются деньги. Да взять хотя бы его образ жизни! Он даже не пытался экономить. Какого черта я должен был содержать его и его жену?

– Верно, – согласился Крейл, – но теперь, когда он застрелился, он вызывает сочувствие. Это может положить конец планам с больницей, Ник. Они только и ждут повода, чтобы кинуть тебя.

– Знаю. – Инглиш вернулся за письменный стол. – Теперь слушай: официальная версия, что Рой переутомился на работе. Бизнес не приносил дохода. Он старался сводить концы с концами, но это оказалось ему не по силам. Вместо того чтобы прийти ко мне, он постарался уладить все сам, надорвался и застрелился. Именно эту историю я изложил газетчикам сегодня утром, и именно эту историю ты изложишь коронеру. Коррин пойдет туда с тобой и скажет «аминь».

Крейл выглядел встревоженным.

– Она этого не сделает. Я с ней говорил, и я знаю. Она решительно настроена на скандал.

– Коррин все сделает, – возразил Инглиш, и его голос посуровел. – Если эта версия ей не нравится, тогда я изложу прессе другую, которая понравится ей еще меньше. У Роя была секретарша, девушка по имени Мэри Савитт. Они были любовниками. Собирались вместе сбежать, оставив Коррин с носом. Что-то пошло не так, – вероятно, Рой не смог достать нужную для побега сумму. И, будучи слабаком, он застрелился. Девушка, скорее всего, пришла на работу и нашла его. Она вернулась к себе и повесилась.

Крейл уставился на него:

– Повесилась?

– Да. Сегодня утром я поехал к ней, чтобы поговорить, и обнаружил ее мертвой. Пока еще никто не знает. Рано или поздно ее найдут, но я надеюсь, коронерское расследование к этому времени завершится.

– Кто-нибудь видел тебя там? – с тревогой спросил Крейл.

– Меня видели, когда я поднимался по лестнице. Моя версия такая: я позвонил в дверь, никто не открыл, и я решил, что девушка отправилась на работу.

– А ты уверен, что они были любовниками?

Инглиш выдвинул ящик, вынул фотографию, которую нашел в спальне Мэри Савитт, и толкнул ее на другую сторону стола. Бросил пачку писем на колени Крейлу.

– Вот все доказательства. Если Коррин думает, что может испоганить мне жизнь, рассказывая жалобные небылицы, пусть подумает еще раз. Передай ей, чтобы не выступала, или вся эта грязь попадет в прессу.

Крейл молчал довольно долго, пока читал два или три письма, затем он убрал их в портфель вместе с фотографией.

– Это станет для нее потрясением, Ник, – проговорил он медленно. – Она была от Роя без ума.

Инглиш внимательно смотрел на него суровым взглядом.

– Ей не обязательно знать. Это ты сам решаешь. Убеди ее не высовываться, если ты так уж настроен пощадить ее чувства.

– Наверное, стоит показать ей эти письма, – предположил Крейл. – Но все равно мне это не нравится.

– Ты не обязан делать эту работу, – сказал Инглиш. – Я всегда смогу нанять другого адвоката, Сэм.

Крейл пожал жирными плечами.

– Да сделаю я все, – сказал он. – Мне не нравится быть таким жестким, как ты, Ник.

– Давай оставим сантименты. Рой написал завещание?

– Да. Он все завещал Коррин. Насколько я понимаю, это куча долгов. У него еще есть банковская ячейка, ключ от нее хранится у меня. Но я пока не нашел времени ее осмотреть, да и, впрочем, сомневаюсь что-нибудь там найти.

– Дай мне знать, что там, прежде чем скажешь Коррин, – попросил Инглиш. – Можно же устроить, чтобы в его банковской ячейке оказался страховой полис. Составь его так, чтобы она получала пару сотен баксов до конца своей жизни. Я оплачу.

Крейл ухмыльнулся.

– И кто тут полон сантиментов? – спросил он, поднимаясь со стула.

– Отправляйся в офис коронера, – коротко бросил Инглиш, – и пусть история прозвучит правдоподобно.

– Я заставлю ее прозвучать правдоподобно, – пообещал Крейл, кивнул на прощанье и пошел через кабинет к двери. – Позвоню тебе сразу, как все закончится.

III

Примерно через минуту после ухода Крейла Лоис встала из-за своего стола, прошла через приемную к кабинету Инглиша и постучала в дверь, тут же открывая ее. Инглиш холодным угрюмым взглядом сверлил свою сигару. Он поднял голову и слабо кивнул Лоис.

– Входи и садись, – сказал он и, ссутулив массивные плечи, навалился грудью на стол. – В котором часу ты легла сегодня?

Лоис улыбнулась, подвигая стул к столу и усаживаясь.

– После четырех, но я не нуждаюсь в долгом сне.

– Глупости. Конечно нуждаешься. После ланча отправляйся домой и ложись спать.

– Но в самом деле, мистер Инглиш... – начала она.

– Это приказ, – резко прервал он. – Работа может подождать. Ты вечно в работе. Пусть Гарри сделает все, что нужно.

– Гарри тоже был на ногах до утра, – негромко напомнила она. – Все в порядке, мистер Инглиш. Я нисколько не устала. Мы сейчас подсчитываем доход от вчерашнего боя.

Инглиш запустил пальцы в свои темные волосы и насупил.

– Проклятье! Я и забыл о бое. И сколько мы заработали?

– Гарри принесет вам цифры примерно через полчаса.
– Отлично. Теперь по поводу вчерашнего задания. Что скажешь об обстановке в агентстве?

– Не особенно много, мистер Инглиш. Я просмотрела все папки. Новых дел у агентства не было с августа.

Инглиш нахмурился:

– Ты уверена? Дай-ка подумать, я купил ему бизнес в марте, верно?

– Да, мистер Инглиш. Я обнаружила корреспонденцию, датированную тридцать первым июля, но после этого дня – ничего.

– Чем же он в таком случае занимался последние девять месяцев?

Лоис покачала головой:

– Контора с тем же успехом могла просто закрыться. Никаких входящих, никаких исходящих. По крайней мере, в папках копий писем нет.

Инглиш в задумчивости потер щеку.

– А что с его расследованиями? Он вел записи дел?

– Он провел восемнадцать расследований начиная с апреля и заканчивая концом июля. Двенадцать из них дела о разводах, три случая пропажи людей, а оставшиеся три – слежка мужа за женой и наоборот. Однако с конца июля никаких записей о других делах нет.

– Что у него с бухгалтерией?

– В сейфе нашлись книги. Я сняла копию приходов и расходов с марта по июль. Подумала, полиции не понравится, если я заберу книги с собой. Копии у меня, на случай если захотите посмотреть лично.

– И какой у него был средний доход?

– Около семидесяти пяти долларов в неделю.

Инглиш скорчил гримасу:

– Это ничто. В книгах есть что-нибудь после июля?

Лоис покачала головой.

– Тогда как, черт побери, он умудрялся содержать агентство на семьдесят пять долларов в неделю? – с недоумением проговорил Инглиш. – Ты хочешь сказать, что начиная с августа его бизнес не приносил ни цента?

– Возможно, он вел двойную бухгалтерию, мистер Инглиш, но согласно тем книгам, которые я нашла, с августа не поступало никаких доходов.

Инглиш пожал плечами:

– Ну ладно, пусть. Что еще ты разузнала?

– В одном из ящичков стола я нашла картотеку. В ней оказалось лишь несколько пустых карточек. У меня такое впечатление, что заполненные карточки изъяли из каталога.

Инглиш внимательно посмотрел на нее, в его глазах отразился интерес.

– Почему ты так решила?

– Судя по виду ящичка с карточками. Там на дне слой пыли, и по следам в пыли ясно видно, что в ящике было гораздо больше карточек. Это всего лишь мое предположение, но мне показалось, что стопку карточек оттуда недавно вынули.

– Может, картотека принадлежала предыдущему владельцу агентства?

– Ящик показался мне новым, мистер Инглиш.

Инглиш отодвинул стул и встал из-за стола. Он принялся расхаживать по кабинету, сурово нахмутив брови.

– Это же чертовски странно, а? – произнес он после долгого молчания. – Значит, никаких расследований агентство не вело с августа прошлого года и до сегодняшнего дня. Верно я понял?

– Да, если только копии писем и досье за этот период не были изъяты.

– Есть признаки, что в офисе сжигали бумаги?

– Нет.

– Ладно, хорошо. Большое спасибо, Лоис. Извини, что настолько тебя задержал. Будь хорошей девочкой, отправляйся домой после ланча. Что у меня на сегодня важного?

– Сегодня днем у вас два собеседования: мисс Нанкин и мистер Бернштейн. Обед с сенатором в половину второго. Еще есть почта и несколько контрактов, требующих вашей подписи, а Гарри хотел, чтобы вы лично просмотрели балансовую ведомость и цифры по бою.

– Давай сначала почту. Потом пришли ко мне Гарри. – Инглиш взглянул на часы. – У меня еще полтора часа до того, как начать волноваться из-за сенатора.

– Да, мистер Инглиш.

Лоис вышла, но почти сразу же вернулась с корреспонденцией. Уселась за стол с блокнотом, готовая стенографировать.

Работая с привычной для него скоростью, Инглиш разделался с почтой, просмотрел несколько контрактов, уже завизированных Сэмом Крейлом, подписал их, затем передал стопку бумаг Лоис.

– Теперь зови Гарри, – велел он.

Гарри Винс явился, слегка шаркая ногами. Он был бледен, под глазами залегли синие тени.

Инглиш кинул на него беглый взгляд и усмехнулся.

– Гарри, похоже, ночная работа тебе не на пользу, – заметил он. – Вид у тебя неважнецкий.

– Сказать честно, чувствую я себя так же, – признался Гарри со слабой улыбкой. – Подготовил вам цифры. Наш чистый доход составил двести семьдесят пять тысяч.

Инглиш кивнул:

– Недурно. А ты поставил на Джои, Гарри?

Гарри помотал головой:

– Кажется, забыл.

Инглиш пристально посмотрел на него:

– Да что с тобой такое? Не хочешь срубить лишних денег? Я же говорил тебе, что ты не прогадаешь.

– Я хотел поставить, мистер Инглиш, – ответил Гарри, краснея, – но в этой суматохе все просто вылетело у меня из головы.

– Чак вот заработал себе тысячу. И Лоис тоже не ставила на Джои?

– Скорее всего, не ставила.

– Вы оба просто безнадежны, – подытожил Инглиш, разочарованно пожав плечами. – Впрочем, дело хозяйское. Я лишь могу предоставить вам возможность подзаработать. Кстати, вспомнил. Сегодня утром к нам заглянет Морилли. Выдашь ему три сотни с моего счета на оплату текущих расходов. Как будто он выиграл их, поставив на нашего боксера.

– Да, мистер Инглиш.

Инглиш загасил окурок сигары.

– Гарри, ты жениться не думал? – спросил он внезапно.

Гарри оторопел и отвел взгляд.

– Э... нет. Кажется, не думал.

– Что, у тебя и девушки нет? – продолжал с улыбкой расспрашивать Инглиш.

– У меня пока просто нет времени на девушек, – проговорил Гарри негромким, лишенным выражения голосом.

– Да ради бога! Сколько тебе уже? Тридцать два, тридцать три?

– Тридцать два.

– Надо бы поторопиться, – сказал Инглиш и засмеялся. – Да что там, когда я был в два раза моложе тебя, у меня уже было полно девчонок.

– Да, мистер Инглиш.

– Наверное, я слишком загрузил тебя работой. В этом причина?

– О, что вы, мистер Инглиш. Ничего подобного.

Инглиш внимательно посмотрел на него, озадаченный, потом пожал плечами.

– Ладно, это твоя жизнь. Отправь балансовую ведомость Эспри, пусть он заверит. У меня, к несчастью, запланирован ланч с сенатором.

Когда Гарри двинулся к двери, интерком на столе зажужжал. Инглиш нажал на клавишу.

– Пришел лейтенант Морилли, мистер Инглиш, – доложила Лоис. – Он хочет с вами поговорить.

– Гарри его встретит, – сказал Инглиш. – Я отправляюсь на ланч.

– Он хочет видеть именно вас, мистер Инглиш. Говорит, дело важное и неотложное.

Инглиш заколебался, нахмурившись.

– Ладно,пусти его. У меня еще есть в запасе десять минут. И скажи Чаку, чтобы подогнал машину. – Отпустив клавишу, он обратился к Гарри: – Подготовь деньги, отдашь ему, когда он выйдет.

– Да, мистер Инглиш, – ответил Гарри, открыл дверь и отступил в сторонку, чтобы пропустить Морилли в кабинет.

– Вы выбрали не самое удачное время, – сказал Инглиш, когда Гарри вышел, закрыв за собой дверь. – Через пять минут мне надо уезжать. Что у вас там?

– Я подумал, надо переговорить с вами, – начал Морилли, подходя к письменному столу. – Нам удалось найти секретаршу вашего брата. Девушку по имени Мэри Савитт.

Инглиш глядел на него, и на его загорелом лице не отражалось ровным счетом ничего.

– И что?

– Она мертва.

Инглиш нахмурился, сверля взглядом Морилли, который сверлил его взглядом в ответ.

– Мертва? Что... самоубийство?

Морилли вздернул плечи:

– Именно по этой причине я и пришел поговорить с вами. Возможно, это убийство.

IV

Несколько мгновений Инглиш пристально смотрел на Морилли, затем махнул рукой на стул:

– Садитесь и расскажите мне все.

Морилли сел.

– Утром я позвонил миссис Инглиш, – начал он, – чтобы узнать, была ли у мистера Инглиша секретарша. Она назвала мне имя девушки и ее адрес. Мы с сержантом съездили туда. Квартира в доме сорок пять на Ист-плейс.

Он выдержал паузу, бросив на Инглиша тяжелый взгляд.

– Знаю, – сказал Инглиш, понимая, на что намекает взгляд Морилли. – Сегодня утром я и сам там был. Но мне никто не открыл. Я подумал, должно быть, она уже уехала на работу.

Морилли кивнул.

– Совершенно верно, – подтвердил он. – Мисс Хоппер, которая живет над мисс Савитт, сказала, что видела вас.

– Ну же, продолжайте, – отрывисто бросил Инглиш. – Что там стряслось?

– На наш звонок никто не открыл. Оставленная на пороге бутылка молока и газета вызвали у меня подозрения. Мы взяли универсальный ключ и нашли девушку повешенной на двери ванной.

Инглиш подтолкнул к нему коробку с сигарами, прежде взяв одну себе.

– Продолжайте и угощайтесь, – произнес он. – Но почему же убийство?

– На первый взгляд все выглядит как самоубийство, – признал Морилли. – Полицейский врач сказал, типичное самоубийство. – Он потер свой костистый нос и негромко добавил: – И он до сих пор уверен, что это самоубийство. – Морилли продолжил: – После того как тело сняли, я осмотрел комнату. Я был там один, мистер Инглиш, и я сделал кое-какое открытие. Ковер в одном месте рядом с кроватью был влажный, как будто его недавно замыли. Присмотревшись внимательнее, я обнаружил маленькое пятнышко. Я сделал бензидиновую пробу². Это оказалось пятно крови.

Инглиш вынул изо рта сигару и мрачно уставился на тлеющий кончик.

– Мне далеко до вашей сообразительности, лейтенант, и я никак не пойму, почему же это убийство.

Морилли улыбнулся.

– Зачастую убийство, замаскированное под самоубийство, очень сложно установить, мистер Инглиш, – сказал он. – Полицейских учат искать определенные признаки. То пятнышко на ковре оказалось вполне себе убедительным признаком. Понимаете, снимая тело девушки, я заметил, что у нее из носа текла кровь. Но на ее ночной рубашке пятен крови не оказалось, хотя я ожидал увидеть хотя бы пару капель где-нибудь на одежде. Тогда я поискал пятна на полу. И из этого следует, что она умерла на полу, а не повесившись на двери.

– Вы хотите сказать, кто-то удушил ее на полу?

– Именно так. Если кто-то напал на нее сзади внезапно, обмотал вокруг шеи пояс от ее халата и затянул, она наверняка очень быстро потеряла сознание. Она, вероятно, упала на ковер лицом вниз, и, пока убийца затягивал удавку, у нее, скорее всего, пошла кровь из носа, оставившая пятно. Когда же убийца задушил девушку, ему не составило труда повесить ее на двери ванной, создавая видимость самоубийства.

Инглиш обдумал его слова и кивнул:

– Кажется, вы правы. Значит, это убийство?

– Я не стал бы утверждать наверняка, но как еще объяснить пятно крови на ковре?

– Вы уверены, что это кровь?

– В этом никаких сомнений.

Инглиш взглянул на часы. Он уже на четыре минуты опаздывал на встречу с сенатором.

– Что ж, спасибо, что сообщили мне, лейтенант, – произнес он. – Это большая неожиданность. Не знаю даже, что из этого следует. Может быть, поговорим подробнее позже? Сейчас у меня назначена встреча с сенатором. – Он поднялся с места. – Мне надо бежать.

Морилли не шевельнулся. Он сидел, глядя на Инглиша, и в его глазах читалось странное выражение, которое Инглишу не понравилось.

– Что у вас на уме? – резко спросил Инглиш.

– Дело, конечно, ваше, мистер Инглиш, но мне почему-то кажется, что вам захочется разобраться во всем прямо сейчас. Я пока еще не составлял рапорт, но мне придется этим заняться в ближайшие полчаса.

Инглиш нахмурился:

– Какое отношение ваш рапорт имеет ко мне?

² *бензидиновая проба* – анализ для обнаружения небольшого количества крови в разных средах и на различных поверхностях.

– А вот это вы сами решайте, – осторожно ответил Морилли. – Я готов помогать вам, когда могу, мистер Инглиш. Вы всегда относились ко мне очень хорошо.

До Инглиша внезапно дошло, что в визите Морилли есть что-то очень подозрительное. Он подался вперед и щелкнул клавишей интеркома.

– Лоис? Свяжись с сенатором и передай ему, что я опоздаю. Не смогу приехать на встречу раньше двух.

– Да, мистер Инглиш.

Он отпустил кнопку и снова сел прямо.

– Продолжайте, лейтенант, – предложил он твердым и спокойным голосом.

Морилли придвинулся вместе со стулом ближе к нему и, глядя Инглишу прямо в лицо, сказал:

– Не мне вам рассказывать, какие чувства окружной прокурор питает к сенатору Бомонту. Они сделались заклятыми врагами, как только сенатор пришел к власти. Если окружной прокурор сможет хоть как-то дискредитировать сенатора, он обязательно это сделает. Всем известно, что за сенатором стоите вы. И если у окружного прокурора появится возможность усложнить вам жизнь, он усложнит, в надежде, что в итоге это ударит по сенатору. Если он сможет раздуть вокруг вас скандал, он сделает это любыми средствами.

– Для лейтенанта из отдела по расследованию убийств вы поразительно хорошо разбираетесь в политике, – заметил Инглиш. – Хорошо, я принял все к сведению. Только какое отношение это имеет к Мэри Савитт?

– Это имеет к ней самое прямое отношение, – заверил Морилли. – Доктор Ричардс сказал мне, что ваш брат умер между девятью и половиной одиннадцатого вечера. Определить точнее он не смог. Еще он сказал, что Мэри Савитт умерла между десятью часами и полночью. Мисс Хоппер сообщила, что видела вашего брата, когда он выходил из квартиры Мэри Савитт накануне вечером в девять сорок пять. Окружной прокурор довольно быстро придет к заключению, что эти двое совершили самоубийство по сговору. Что ваш брат убил сначала девушку, а потом вернулся к себе в контору и застрелился. И если прокурор придет к такому выводу, в прессе поднимется невероятная шумиха, которая затронет вас, а затем по цепочке и сенатора.

Инглиш долго сидел неподвижно, пристально глядя на Морилли, и его глаза напоминали сейчас гранит.

– Зачем вы рассказываете мне все это, лейтенант? – спросил он наконец.

Морилли вздернул плечи. Затем отвел маленькие темные глазки от лица Инглиша.

– Никто, кроме меня, не знает, что это убийство, мистер Инглиш. Доктор Ричардс считает это самоубийством, но он же не видел пятна на ковре. Если бы он знал об этом пятне, он изменил бы мнение, однако же он не знает, так же как не знает окружной прокурор.

– Но ведь они узнают, когда вы составите рапорт, – заметил Инглиш.

– Полагаю, узнают, если только я не забуду упомянуть о пятне.

Инглиш всматривался в бледное, лишенное всякого выражения лицо Морилли.

– Есть еще показания мисс Хоппер, – напомнил он. – Вы говорите, она видела, как Рой выходил из квартиры. Если она заговорит, окружной прокурор начнет расследование. Он может даже обнаружить то пятно.

Морилли улыбнулся.

– Насчет мисс Хоппер можно не беспокоиться, – сказал он. – О ней я уже позаботился. Так получилось, что мне известно, чем она занимается в свободное от работы время. Она не захочет давать показания в суде. Какой-нибудь ушлый адвокат вроде Сэма Крейла вывернет ее там наизнанку. Я упомянул об этом при ней. Она не рвется давать показания.

Инглиш качнулся вперед, чтобы стряхнуть пепел с сигары.

– Вы ведь сознаете, что вероятность убийства Мэри Савитт Роем примерно сто к одному, правда? – проговорил он спокойно. – Если она убита, тогда надо расследовать преступление, вдруг его совершил не Рой.

Морилли пожал плечами:

– Мистер Инглиш, если окружной прокурор узнает о пятне на ковре, то убийцей признают вашего брата. Можете поставить на это свой последний доллар. Настоящий убийца в любом случае уйдет от ответа. – Он слегка взмахнул рукой. – Решать вам. Если скажете, я укажу в рапорте пятно на ковре, но, поскольку в прошлом вы постоянно проявляли заботу обо мне, я подумал, будет правильно оплатить тем же, когда выпадет шанс.

Инглиш поднял на него глаза:

– Это весьма любезно с вашей стороны, лейтенант. Я ни за что этого не забуду. Наверное, разумнее не сообщать о пятне.

– Как скажете, – согласился Морилли, поднимаясь со стула. – Был рад помочь, мистер Инглиш.

– Погодите-ка, – рассеянно произнес Инглиш, – вы ведь должны забрать свой выигрыш. Сколько там получилось, лейтенант?

Морилли пригладил большим пальцем тонкие угольно-черные усики, прежде чем ответить.

– Пять тысяч, мистер Инглиш.

Инглиш улыбнулся:

– Неужели так много?

– Думаю, сумма именно такая, – подтвердил Морилли с каменным лицом.

– В таком случае заберите их. Всегда считал, что долги надо отдавать. Мне это кажется правильным, и я всегда понимал ценность денег. Полагаю, вы бы предпочли наличными?

– Было бы очень хорошо.

Инглиш подался вперед и нажал на клавишу интеркома.

– Гарри? Забудь о том маленьком поручении, которое я только что тебе дал. Я сам займусь лейтенантом Морилли.

– Да, мистер Инглиш.

Инглиш отпустил кнопку, встал из-за стола и подошел к стене с сейфом.

– Как у вас отлично организовано дело, мистер Инглиш, – заметил Морилли.

– Приятно, что вы оценили, – сухо отозвался Инглиш. Он открыл сейф и вынул две стопки банкнот, бросил их на стол. – Расписки просить не стану.

– Она вам не потребуется, – заверил Морилли, взял обе пачки, пересчитал, быстро перебирая пальцами, и рассовал по карманам пальто.

– Не исключено, что окружной прокурор поставит под сомнение ваш рапорт, – сказал Инглиш, возвращаясь к своему столу и снова усаживаясь. – Он может послать кого-нибудь из своих следователей осмотреть комнату, и тот обнаружит пятно.

Морилли улыбнулся:

– Тешу себя мыслью, что оказываю вам надежную услугу, мистер Инглиш. Пятна больше не существует. Я обо всем позаботился. – Он двинулся к двери. – Думаю, мне не стоит вас и дальше задерживать. Лучше отправлюсь в участок и составлю рапорт.

– До скорого, лейтенант, – сказал Инглиш.

Когда Морилли ушел, Инглиш испустил тяжкий вздох.

– Да будь я дважды проклят! – негромко выругался он. – Этот сукин сын прирожденный шантажист!

V

Еще из дверей ресторана Инглиш заметил за угловым столиком сенатора, тот сидел в одиночестве, и на его узком лице эльфа застыла гримаса нетерпеливого раздражения.

Сенатору Генри Бомонту было шестьдесят пять: маленький, жилистый, худощавый, с морщинистым лицом цвета дубленой кожи, на котором светились стального оттенка глаза, пронзительные, словно иглы. Человек с неумными амбициями – его конечная цель была сделаться президентом. Карьеру он начал с того, что мыл склянки в аптеке, и этим фактом он бесконечно гордился. Шанс, которого он так ждал, выпал ему в Первую мировую, и он доказал, что способен вести за собой других. Из армии Бомонт вернулся в чине майора и с двумя не слишком значительными наградами. По счастливой случайности его взял к себе шеф администрации демократической партии, всем заправлявшей тогда в Чикаго, и из уважения к военному прошлому ему поручили курировать строительство шоссежных дорог. Именно этим он и занимался, когда познакомился с Ником Инглишем, который пытался найти средства на свой гирокомпас. Бомонт ввел Инглиша в круг преуспевающих бизнесменов. И благодаря протекции Бомонта средства на гирокомпас Инглиша нашлись. Когда Инглиш наконец осел в Эссекс-Сити, он вспомнил о Бомонте и написал ему, предложив финансовую поддержку, если тот захочет баллотироваться на пост окружного судьи. Бомонт ухватился за это предложение, и с помощью денег Инглиша выиграл выборы.

Инглиш быстро сообразил, что при его растущем бизнесе и расширяющемся королевстве ему жизненно важно занять влиятельного друга в политическом аппарате. Хотя Бомонт звезд с неба не хватал, он зато остро сознавал свой долг перед Инглишем и с готовностью тянул за ниточки – когда Инглиш хотел, чтобы он потянул.

Следующим шагом, решил Инглиш, будет избрание Бомонта сенатором. Оппозиция была жестокая, но и на этот раз, с денежками Инглиша, ободренный его холодной решимостью, Бомонт выиграл выборы. Через полгода он намеревался переизбираться, и Инглиш знал, что сенатор сомневается в результате.

Метрдотель поспешил навстречу Инглишу, застывшему в дверях, и с почтением сопроводил его по длинному проходу до столика сенатора. Шагая вслед за метрдотелем, Инглиш сознавал, что все посетители этого роскошного ресторана перестали болтать и с любопытством смотрят на него.

Он уже привык к тому, что на него глазают, но сегодня он чувствовал, что эти взгляды полны не одного только любопытства. Новость о самоубийстве его брата произвела сенсацию, и теперь все сплетничали о возможных причинах суицида.

Сенатор привстал с места, когда подошел Инглиш.

– Я уж думал, ты вообще не придешь, – проговорил он пронзительно и колко.

Инглиш смерил его жестким, холодным взглядом и сел.

– Меня задержали, – пояснил он коротко. – Что будем есть?

Пока сенатор выбирал блюда, метрдотель вложил в руку Инглиша конверт.

– Пришло для вас минут десять назад, мистер Инглиш, – произнес он полголоса.

Инглиш кивнул, заказал стейк с кровью, к нему зеленый горошек и полбутылки кларета, затем разорвал конверт и пробежал глазами небрежные закорючки на листе:

Все под контролем. Коррин выступила прекрасно. Вердикт: самоубийство в состоянии помутненного сознания. Никаких дополнительных трат не потребуется.

Сэм

Инглиш убрал записку в карман, и суровая улыбка промелькнула на его лице.

– Что это я слышал о твоём брате? – начал сенатор, как только метрдотель отошел. – Что это, черт возьми, за игры?

Инглиш взглянул на него с изумлением.

– Рой уже много недель был на грани нервного срыва, – пояснил он ровно. – Я говорил ему, что он слишком много работает. Ну вот, ноша оказалась ему не по силам, и он нашел кратчайший выход из трудного положения.

Сенатор фыркнул. Его смуглая кожа налилась темно-багровым цветом.

– Нечего пичкать меня подобной чушью! – произнес он с негодованием, впрочем понизив голос. – Рой ни дня в жизни не работал много. Что там за слухи о шантаже?

Инглиш пожал плечами.

– Обязательно будут ходить самые разные слухи, – сказал он безразличным тоном. – Существует множество людей, которым хотелось бы раздуть из этого скандал. Нечего горячиться. Рой застрелился, потому что переживал за судьбу своего бизнеса. И на этом все.

– Все ли? – Бомонт подался к Инглишу, сверкая глазами. – Поговаривают, он шантажировал какую-то женщину и у него собирались отнять лицензию. Насколько это правда?

– До последнего слова, – признался Инглиш, – но никто не посмеет заявить об этом вслух, если только не хочется нарваться на судебное преследование.

Бомонт заморгал и снова сел.

– Что, прямо вот так? – спросил он, и в его взгляде отразилось восхищение.

Инглиш кивнул:

– Комиссар полиции начал расследование. Я с ним поговорил. Продолжать расследование он не собирается. Тебе не о чем переживать, Бомонт.

Официант принес стейки, и после его ухода Бомонт сказал:

– Мне, может, и не о чем переживать, зато тебе есть о чем. Это ведь положит конец больничному проекту.

Инглиш отрезал кусочек мяса, затем поднял на собеседника глаза.

– С чего ты так думаешь? Если комитет надеется кинуть меня – не тут-то было.

– Но послушай, Ник, прояви рассудительность, – с тревогой заговорил Бомонт. – Ты не сможешь от этого откеститься. Слухи уже циркулируют, а ведь это чертовски нехорошие слухи. Ты же знаешь комитет. У них припадок случится, если я скажу, что больница будет названа в твою честь.

– В таком случае не говори им, пока все не уляжется. А все уляжется через несколько недель.

– Но они же назначили собрание на следующей неделе, чтобы выбрать название для больницы.

– Скажи, чтобы отложили встречу, – бросил Инглиш и потянулся к бокалу с вином. – Удивительно хороший кларет. Попробовал бы лучше его, чем дуть скотч под любую еду.

– Да забудь ты про кларет. – Бомонт неловко поерзал на стуле. – Нельзя откладывать собрание. Ты ведь понимаешь это не хуже моего.

– Собрание придется отложить, – заявил Инглиш. – Кто построил больницу? Кто ее финансировал? Что значит, нельзя откладывать собрание? Я говорю, что его нужно отложить, так им и передай: я велел отложить!

Бомонт провел пальцами под воротничком.

– Но послушай, Ник, нельзя так вести себя с комитетом. Они назначили собрание, и ты ничего не можешь с этим поделать. Нельзя обращаться с ними, как с мальчишками. Нет, какого черта! Это же самые важные и самые влиятельные люди в этом городе.

Инглиш широко усмехнулся:

– Да неужели? Это просто смешно. В таком случае почему они сами не могли профинансировать строительство больницы? Почему им пришлось обращаться ко мне? Самые важные? Не смей меня! Да они просто сорище прыщей на ровном месте. А теперь слушай меня внимательно, Бомонт: ты встретишься с Ризом и велишь ему отменить пока собрание. Скажи, что

я так хочу. Если попытается возражать, скажи, что я перестану оказывать поддержку. Посмотришь, как ему это понравится. Он увяз в этом проекте по самые уши, так же как и остальные. Они нацелились на полтора миллиона долларов. Откуда возьмутся деньги без моих гарантий? Пусть обдумают это. Считаешь, банки выдадут такую кучу бабла под залог, который может предложить эта шайка болванов? Держи карман шире! Собрание необходимо отложить, пока я не скажу, что уже пора. Понимаешь меня?

Сенатор начал было что-то отвечать, но, оценив взгляд Инглиша, счел за благо остановиться. В отчаянии он передернул плечами.

– Ладно, хорошо, я подумаю, что можно сделать, но предупреждаю тебя, Ник: им это не понравится.

Инглиш засмеялся:

– Думаешь, меня волнует, что там нравится или не нравится этим нищebroдам? Да к дьяволу их!

– Но послушай, Ник, – начал Бомонт, подавшись к нему. – Я понимаю, что ты метишь высоко, и это меня в тебе восхищает. Я и сам мечу высоко. Я осознаю, что ты не собираешься останавливаться на этом деле с больницей, что у тебя имеются и другие идеи. Ты хочешь, чтобы Эссекс-Сити тебя запомнил. Я уже довольно давно наблюдаю за тобой и начал понимать твои методы. Ты положил глаз на проект моста в Вестсайде, и, если я правильно помню, ты еще подумывал о постройке оперного театра. Ладно, хорошо. Больница, мост и оперный театр – это чертовски большое достижение для одного человека, однако комитету это не понравится. Они живут здесь несколько дольше тебя. Их отцы, их деды, их прадеды жили здесь задолго до того, как ты вообще появился на свет. Деньги еще не всё. В этом пуританском городишке хорошая репутация значит больше, чем деньги, а скандал столь же смертелен, как ядовитый газ для любого, кто оказывается в центре поражения. Вплоть до этого момента ты справлялся, но будь осторожен. Риз, окружной прокурор и комитет в полном составе ненавидят тебя до коллик. Если они смогут повесить на тебя хоть что-то, они это сделают, а если они это сделают, прахом пойдут и твоя больница, и твой мост, и твой оперный театр!

Инглиш оттолкнул тарелку и вынул портсигар, протягивая его Бомонту.

– Обо мне не беспокойся, Бомонт, – произнес он спокойно. – Я достаточно взрослый, чтобы позаботиться о себе самостоятельно.

– Может быть, но мы прочно связаны, и если с тобой что-то случится, то же самое автоматически грозит и мне, – серьезно пояснил Бомонт. – Я не имею права подставлять свою шею, даже если ты можешь себе это позволить.

– Что с тобой такое, сдрейфил?

Бомонт пожал плечами:

– Называй как хочешь. Мне необходимо проявлять осмотрительность. Ты уверен, что эта история с суицидом улажена?

– Здесь все в порядке, однако имеется еще кое-что, и вот это «кое-что» завтра вполне может стать главной темой газет. У Роя была секретарша, девушка по имени Мэри Савитт. Вчера вечером она тоже совершила самоубийство.

У Бомонта глаза полезли на лоб.

– Еще не хватало! Почему?

Инглиш мрачно усмехнулся:

– Наверное, тоже перетрудилась.

– И ты думаешь, кто-то в такое поверит? Какие между ними были отношения? Это что, было самоубийство по сговору?

– Можно и так назвать, только доказательств нет. Если нам повезет, никто даже не свяжет эту девушку с Роем. Морилли за меня в лепешку готов расшибиться. Сегодня утром это стоило мне пять кусков.

Бомонт нервно сглотнул комок в горле. Его кадык дернулся, словно лягушка на раскаленной плите.

– Ты дал Морилли пять тысяч? Представь себе только, что он доложит об этом комиссару! Это, возможно, ловушка, Ник. Подкуп полицейского – серьезнейшее обвинение. Именно такое обвинение они мечтают на тебя повесить. Это тебя прикончит.

– Не стоит драматизировать, – бросил Инглиш. – С Морилли все в порядке. У него имеются свои амбиции, и он понимает, что, играя на моей стороне, он получает шанс чего-то добиться. В любом случае он не сможет доказать, что я что-то ему давал. Я заплатил ему наличными, и происхождение банкнот нельзя проследить. – Он отодвинул свой стул от стола. – Ладно, мне пора возвращаться в офис. Не забивай себе голову этим делом. Все уладится.

Бомонт поднялся с места.

– Но с чего эти двое себя убили? – спросил он. – Должна же быть какая-то причина.

Инглиш подписал чек, который официант положил на стол, и оставил щедрые чаевые.

– Разумеется, причина имеется, – ответил он. – И я твердо намерен ее установить.

VI

В тот же вечер, в начале седьмого, после того как Инглиш надиктовал последнее за рабочий день письмо, Лоис заглянула в кабинет сообщить, что его ждет Сэм Крейл, который очень хочет его видеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.